

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ЦЕНА ИМПЕРИИ ФАКТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ

**ВЛАД ТАРХАНОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ**

Военная боевая фантастика

Игорь Черепнев

**Цена империи. Фактор
нестабильности**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Черепнев И. А.

Цена империи. Фактор нестабильности / И. А. Черепнев —
«Издательство АСТ», 2023 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-156895-5

Михаил Николаевич Романов, ставший императором после чудовищного по силе взрыва в Зимнем дворце, в тело которого подселился наш современник, пытается провести преобразования, которые необходимы для срочной модернизации государства. Очень сложно работать в ситуации, когда у тебя нет верной и преданной команды соратников, а врагов множество, и одним из самых опасных врагов остается империя, над которой никогда не заходит солнце. Где империя нанесет ответный удар? На севере? На юге? Где бы это ни случилось – туда придет русский солдат и наведет порядок!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156895-5

© Черепнев И. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть первая. С Богом, помолясь!	7
Глава первая. Обычные трудности	7
Глава вторая. Тайное, явное и многое другое	11
Глава третья. Первый офицер подплава	16
Глава четвертая. Несколько страниц из жизни сыскаря	23
Глава пятая. О пользе серебра	28
Глава шестая. Работа в поле	34
Глава седьмая. Главное – маневры	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Влад Тарханов, Игорь Черепнёв

Цена империи. Фактор нестабильности

© Влад Тарханов, 2023

© Игорь Черепнёв, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Подмосковье

16 июля 2021 года

Это был аврал. В центре «Вектор» все понимали, что это последний шанс остаться на плаву. Несмотря на полученные результаты и проверку теории темпоральных перемещений, побочные эффекты, так до конца не выявленные, казались слишком опасными. За последнее время было зафиксировано двенадцать несчастных случаев – гибели людей от разрядов неизвестной энергии, которая получала физическое выражение в шаровых молниях черно-фиолетового цвета. При этом отмечались многочисленные всплески этой самой фиолетовой энергии, не такие мощные, не такие насыщенные, но они выводили из строя электронную аппаратуру, вредили системы передачи связи, компьютеры же чаще всего, попав в зону действия этой неведомой силы, просто сгорали.

И вот всё. Тело Полковникова, бывшего руководителя системы охраны объекта «Вектор», вынесли из аппаратной, по которой снова прошел удар фиолетового шторма. Теперь оставалось только ждать результата. Вообще-то академик Гольдштейн чуть-чуть обманул высокое руководство. Он выдал расчетный прогноз, который говорил о вероятном нарастании темпоральных спонтанных выбросов с эффектом гигантского шторма в феврале 2022 года. И предложил осуществить единичный переброс в нестабильную параллельную реальность хроагента. Его воздействие должно было все исправить. Вот только в расчетах Марк Соломонович сознательно допустил небольшой просчет, несколько откалибровал одну из констант. Почему? Он признался себе честно: ему было интересно. И поэтому на алтарь своего любопытства он бросил всё: и свою научную репутацию, и судьбу одного человека, труп которого сейчас пронесли мимо него. Тут подошел Кручинин, куратор проекта, он был не в генеральской форме, а в обычном гражданском костюме. Лицо его было осунувшимся. Он, как и Гольдштейн, последние дни спал урывками.

– Вот, Марк Соломонович, система защиты сложилась. Темпороскопы накрылись. Никто не скажет, удачно получилось или нет.

– Я скажу. Если всполохи прекратятся – удачно. Если нет – то нет.

– Значит, пан или пропал? – уточнил Валерий Николаевич.

– Так вы же знали это с самого начала? – вопросом на вопрос ответил академик и научный руководитель проекта.

– Знал. Надо бы Николая помянуть... – как-то неуверенно произнес генерал.

– Надо.

И Марк Соломонович достал бутылку хорошей русской водки. Они сели за стол, на котором из закуски лежала открытая пачка галет и несколько ирисок, которые обожал жевать академик. По двум стаканам была разлита белая прозрачная жидкость. Пили молча.

Часть первая. С Богом, помолясь!

Не уверен, должен ли я сомневаться, чтобы начать; но я уверен, что не должен останавливаться.

Уинстон Черчилль

Глава первая. Обычные трудности

Надо уметь переносить то, чего нельзя избежать.

Монтень

Санкт-Петербург. Ново-Михайловский дворец

28 сентября 1880 года

ЕИВ Михаил Николаевич

Его Императорское Величество почивать изволят! 16 сентября произошло мое торжественное венчание на царство. Прошло оно торжественно, но достаточно скромно – специальный манифест огласил, что программа праздничных мероприятий максимально сокращена из-за траура, поскольку года после смерти членов семьи Романовых не прошло. Тем не менее...

Простите, разрешите мне представиться и в нескольких словах разъяснить, кто я и куда и почему попал. А попадалово было то еще... Меня зовут Александр Михайлович Конюхов, по профессии я историк. В ходе одного весьма неудачного эксперимента я оказался в теле великого князя Михаила Николаевича Романова. Попал со мной и мой учитель, академик Михаил Николаевич Коняев. Вот только он попал в тело сына Михаила Николаевича, Александра Михайловича, более известного как Сандро. Вообще-то это академика готовили перебросить в девятнадцатый век. А меня «притянуло» темпоральным штормом заодно с ним. Попали мы сразу с корабля на бал. По нашим прикидкам получилось, что этот катаклизм повлиял на обе реальности – нашу бывшую и вот эту. Получилось, что взрыв Халтуриным, Зимнего дворца оказался намного более мощным, чем можно было предполагать, даже если учесть, что ДО Халтурина почти туда же было заложено несколько пудов динамита немецкого производства. В результате погибло много народу, да еще и большая часть семьи Романовых, в том числе практически все дети и внуки императора. И тут сложилось так, что именно мне предложили занять трон. После проведения Земского собора ваш покорный слуга и был выбран на царство. А сейчас еще и короновался в Успенском соборе Кремля. Ага, помните же, что коронации в Москве происходят. По уму надо было бы, чтобы прошел год траура, но... ситуация такая сложилась, надо было поспешать не спеша конечно же. Необходимо заметить, что я был уверен, что попал в это время один. То, что это параллельная реальность, я понял очень быстро – было несколько важных отличий, не столь уж и заметных, но для профессионального историка очевидных. Например, великий князь Михаил Николаевич стал главой Государственного совета в самом начале 1880 года, по повелению царственного брата Александра. Не могу описать вам то ощущение, которое накатило на меня от осознания своего «попаданчества». А еще больший шок вызвало открытие того, что я тут не один, а еще Сандро – этот мелкий шкет не кто иной, как мой учитель, академик!¹ И что было делать?

¹ См. «Цена империи. Чистилище».

Если не знаешь, что делать – начни спасать Россию! Взять в руки власть – это мало, очень мало, надо было теперь ее удерживать. И заканчивать те реформы, которые были предложены моим братом, но так и не доведены до конца. Тут ведь все очень просто: государь что-то там предлагает, но его благие начинания топят армия бюрократов, которые не хотят никаких перемен, не видя очевидного – если ничего не менять, то скоро их всех отменит народ, доведенный до крайности тупой политикой правящего класса. Вот уже более полувека происходит борьба с Россией при помощи революционных движений, которые должны выжечь основу государственной власти изнутри. Наполеону не удалось привести Россию в покорность Европе, затем наступила череда военных коалиций, обидное поражение в Крымской войне, еще более обидные решения Берлинского конгресса, когда объединенная Европа лишила Россию практически всех завоеваний после победы над Турцией. В обществе распространились нигилизм, социализм, безверие. Элиты смотрят на Запад, а народ безмолвствует. Пока что.

Надо сказать, что у Коняева был план преобразований, который он составил, еще будучи на базе «Вектора» – организации, которая и забросила нас в прошлое, меня против моей воли. Но планировалось, что академик подселится в царевича Александра, а тут он оказался в Александре, но не том. Да и план его, при рассмотрении и столкновении с действительностью, оказался никуда не годен. Пришлось все пересматривать и передумывать. Моей самой большой проблемой было отсутствие преданной команды, людей, на которых можно было опереться. Те же консерваторы, которые и протолкнули меня к власти, Валуев, Победоносцев и иже с ними, мечтали о «консервации» установленных порядков, замораживании положения вещей, не понимая, что именно эта политика приведет Россию к позору Цусимы и горечи Порт-Артура. Наше противостояние с могущественной Британской империей, которое историки называли «Большой игрой», – это всего лишь эпизод в создании глобальной правящей сверхструктуры, которая при помощи денег должна управлять миром, создавая военные конфликты, которые позволяют ей выбираться из кризисов, присущих капитализму во всей его звериной красе. Социализм? Еще один инструмент в их же руках.

А мне пришлось срочно «закручивать гайки» – разгул терроризма был неприемлем для нашего государства, поэтому жандармы получили чрезвычайные полномочия, в кратчайшие сроки были разгромлены народовольческие подпольные организации, получавшие щедрые гранты из Туманного Альбиона. Ну, мы тоже кое-что можем. Пришлось организовать высылку британского посольства в полном составе, а еще писать одной зловредной старухе письмо – наглое и жесткое. Увы, против моих расчетов, королеву Викторию хватил апоплексический удар. А на трон зашел король Эдуард, который предпочел сделать вид, что ничего не произошло, и мы тут ни при чем. Оставлять взрыв в Зимнем без последствий было крайне безрассудным поступком. Поэтому один из доверенных людей полковника Мезенцова, который стал руководить одной из вновь созданных спецслужб империи, отправился в Лондон. Этот гражданин Швейцарии, помогавший в свое время устранить нескольких самых опасных террористов, оказался весьма полезным человеком – он сумел не только найти серьезных людей на самом дне Сити, но и простимулировать акцию...

Третьего мая 1880 года в Лондоне произошел налет банды грабителей на один из аристократических клубов. У кого-то из налетчиков не выдержали нервы, и обедавшие за одним столом Гладстон и Дизраэли были убиты шальными пулями, как и еще добрый десяток весьма влиятельных английских джентльменов. А пятого мая произошло еще более дерзкое ограбление банка Ротшильдов, причем глава британского семейства, Натан был застрелен на глазах директора банка, который безропотно открыл хранилище, из которого была похищена фантастическая сумма золотом и еще больше ценными бумагами. Полиция Лондона, а потом и всего королевства была поставлена «на уши», но... неизвестная банда пропала, а через месяц после описываемого события у меня появилось немного свободных денег. Да-да, немного... вы же понимаете, что значит – индустриализация такой страны, как Россия? И сколько для

этого необходимо средств? И изыскать средства на все, что было крайне необходимо... это было очень и очень сложно. Только отмена выкупных платежей ударила по государственному бюджету весьма и весьма основательно. Тут ведь какое дело, кто-то землю выкупил, кто-то внес половину, кто-то всего десять процентов. Поэтому было решено крестьянским хозяйствам компенсировать половину платежей, чтобы не возникало чувство несправедливости, да и поддерживать справно хозяина не мешало бы.

Надо сказать, что намек Эдик британский понял. И вскоре в столицу прибыл его личный посланник, который вскоре вернулся ни с чем. Я настаивал на переговорах с королем с глазу на глаз. И они состоялись. Напуганный моей мезью, тем более что на процессе над террористами были оглашены показания бывшего аглицкого дипломата Фиппса, который стоял за взрывом в Зимнем, да и вообще руководил антироссийской камарильей внутри нашего государства. Суд приговорил лимонника к повешению. Но сейчас он под именем Дункана МакЛауда тренирует наших агентов, которые будут работать по британской проблеме в самом королевстве и его колониях. Ставит им произношение, объясняет нюансы поведения. Ценный оказался кадр, когда решил купить свою жизнь. А мы и не возражали. Пусть поработает на нас, раз уже против нас поработал...

Но вот все мои телодвижения сильно озадачили наших отечественных англоманов – тут и кошка не ходи. И наше сближение с Германией, пусть пока и эфемерное, но все-таки сближение, для человека думающего секретом не стало. Вот и получается, что постоянно ты, батенька царь-государь, ходишь по минному полю. Потому как прогерманское лобби у нас не такое мощное, как прохрэнцузское и проанглицкое. А что клубы английские мы закрыли, что на всю страну осталась временно всего одна правительственная газета, народ принял терпимо – это их еще больше взбесило. Вот и шушукаются по салонам. Так и дело до реального заговора дойти сможет.

Но самая большая проблема, кроме этих дурацких носков и неудобной форменной одежды – семья Романовых. Во-первых, братья. И если Николая Николаевича старшего приструнить удалось, спасибо одной безнравственной особе, которая деньги любит больше великого князя, то с Константином, фактически знаменем либералов, да еще англофильствующих, с ним не все так просто². Он сейчас в САСШ разбирается с Аляской, точнее, со странными нюансами при ее продаже. При этом старается соблазнить Крампа перспективами развития судостроения у нас в России. И это тоже проблема. Опять-таки из-за отсутствия денег, которых на все про все катастрофически не хватает. Пришлось продавать патриаршество. Если бы вы знали, какие тугодумы наши церковники! И аппетиты у них!!! Только если вы патриарха хотите, то тут и следуют оргвыводы – ничего не дается бесплатно. И теперь вся ваша братия переходит на хозрасчет: никаких государственных дотаций, все за счет прихожан. А еще придется мощной потрясти. Да и выдать государю императору беспроцентный кредит. Ну и тряслись же святоши! И земли монастырские им верни, и плати как государевым людям, а когда спросил их насчет миссионерской деятельности, так они и руками разводят, мол, о чем это вы? А о миллионах наших подданных, которые в язычестве пребывают! А нести свет православия в земли азиатские? А борьба с засильем протестантов всяких и разных да противостояние с католичеством? Привыкли, что государство не пукает. А не будет этого! Если православие – опора трона, то извольте такой опорой быть, а не казаться! И еще обучение грамоте на селе на себя возьмете. В программе начальной школы, но учить будете всех – от мала до велика. А посему своих попов выучите сначала! Вот тут и дали слабину наши долгорясые, решили, что лучше будет отыграть назад, пусть без патриарха, но и оставить все, как было. А тут им государь говорит: не хотите патриарха, не надо, только все вот это все равно придется делать, так что воля ваша. Вот первого сентября Поместный собор Русской православной церкви и выбрал

² См. «Цена империи. На начинающего Бог».

патриарха, которым стал... не, ребята, не Иоанн Кронштадтский, что вы, не угадали. Зачем святого человека в гнусь такую, как патриаршество с его внутренними подковерными играми, втягивать? А вот епископ Владимирский и Суздальский Феогност (Егор Иванович Лебедев) как раз для этого дела оказался весьма востребованным человеком. И общий язык с ним мы нашли. Потому он сам был строг в своем служении Господу и необходимость избавить церковь от балласта, из-за которого над попами нашими народ потешался, прекрасно понимал. А 14 сентября был выбран и патриарх старообрядческой церкви, которая должна была очистить себя от всяких сект, типа хлыстов и прочего сатанизма. Ну и участие старообрядческих капиталов в деле индустриализации России было более чем важным.

Был сделан первый шаг и в земельных делах: введена государственная монополия на торговлю зерном с границей, при этом началось активное строительство элеваторов в разных регионах государства и создание системы государственного продовольственного запаса, страховочного на случай неурожая или войны. Тут взвыли наши спекулянты, а когда еще и установили возможность для крестьян налоги оплачивать деньгами либо зерном по установленной «твердой» цене, да еще и гарантировали государственные кредиты под небольшой процент и возврат тем же зерном по такой же государственной цене, которую объявили заранее, тут хлебным магнатам окончательно «поплохело». А что делать? Нельзя оставлять хлеб в руках спекулянтов, потому что во внутренних разборках хлеб – тоже оружие. С чего начинались многие революции? С того, что с прилавков исчезал хлеб! Так что... селяви, как говорят те же французы.

В общем и целом мозолей я отдал... вот и было сделано мною так, чтобы Сандро не привлекал к себе никакого внимания. Он иногда общался со мной, но не более, чем другие дети. Более того, я уделял намного больше внимания Николаю, как наследнику престола, но почему-то так и не был в нем до конца уверен. Скорее всего, покушение на меня, в котором он и сам пострадал, слишком серьезно отразилось на его психическом и нравственном состоянии. И как решать эту проблему, я пока что себе не представлял.

Глава вторая. Тайное, явное и многое другое

Договоры существуют для того, чтобы их выполнял более слабый.
Карел Чапек

Висбю. Готланд. Швеция
3 октября 1880 года

ЕИВ Михаил Николаевич

Что делает с человеком волшебный пендель! Смотрю на весьма и весьма смурного Эдика (короля Великобритании Эдуарда VII). В это время его полнота уже давала себя знать. Да, он стал королем не в 59, а в 39 лет – разница-то существенная. Но полнота его еще не слишком карикатурная, просто довольно полный обаятельный мужчина в самом расцвете сил. Вот только этот британский Карлсон не по крышам летал, а по женским койкам, не забывая бордели. Истинные британцы похождениями своего принца скорее гордились, нежели осуждали, а многие откровенно завидовали. А вот рыбы глазки у него точно матушкины!

Как я и говорил, никуда Эдик не спешил, особенно на встречу со мной. Он тянул время. В это время британские дипломаты изо всех сил пытались сколотить антироссийскую коалицию. Новую коалицию. Ради этого они были готовы даже снова заглазить все противоречия с французами, которые были бы не против, но вот Турция... Французы были не глупее нагличан, тоже не хотели своими трупами удобрять поля под Севастополем, нужны были турки. Даже не турки, нужны были хоть кто-то, кто станет пехотой на убой. Но после тяжелых поражений в последней русско-турецкой войне с потерей позиций османов на Балканах сейчас турки в войну лезть не собирались. Тем более что Австрия и Германия заявили о своем нейтралитете, да еще и намекнули туркам, что никаких движений на Балканах в пользу Стамбула не допустят. Пришлось мне дать британскому монарху тот самый волшебный пендель: 17 сентября я подписал «Навигатский акт». Теперь морская торговля с Россией могла осуществляться только российскими торговыми судами. А 18 сентября все английские корабли, прибывшие в порты Прибалтики и Санкт-Петербург, были отправлены обратно. В британском парламенте поднялся вой до небес! И торгоши вытолкнули Эдика на переговоры со мной. Думаю, с большим удовольствием они бы меня растерзали. Ибо я ударил их по самому дорогому – их карману. А почему другие не возмутились? А все дело в том, что компаний с совместным капиталом это не касалось. А русско-германская и русско-голландская судоходные компании уже были созданы. А вот русско-британской не было и не будет! Кроме того, подкинул я идею Путилову, идею простую, как мычание. И та скорость, с которой он ее реализовал, – просто потрясала. Так что первого сентября со стапеля сошел первый в мире контейнеровоз. Для Балтики – самое то, фактически Путилов переоборудовал строящийся трамп именно под мою идею. Контейнер – единица, которая занимала одну железнодорожную платформу. Благодаря тому, что канал теперь тянули самыми быстрыми темпами в сторону железнодорожного узла, где строились погрузочные стапеля, перегрузка контейнера с железнодорожной платформы на контейнеровоз оказывается очень быстрой и выгодной в экономическом плане. И грузопоток через порт возрастает многократно. На гражданских верфях строилось еще четыре таких корабля и шесть было заказано в Германии. Сам тип судов был еще и запатентован, как и идея контейнера и перегрузки. Тут уже постарались наши умельцы. В общем, немцы тоже прониклись экономической выгодой такого дела и выкупили лицензию на постройку таких судов. Заинтересованность выразил и Крамп, которого в САСШ додавил мой брат Костя, теперь жду этого коммерсанта у

себя в первой декаде октября. А пока разговор с его величеством Эдуардом. Надо сказать, что Эдик решил не юлить, вроде бы как начать с откровения.

– Брат мой, я вынужден признать, что наши государства находятся в состоянии необъявленной войны по нашей вине. Не по моей личной. Я никогда не хотел бы войны с твоей империей. Так получилось... Мне нужно было время во всем разобраться. И я согласен – мы виноваты, но... признать это мы не можем... Ты ведь и так наказал виновных. Что же еще?

– Дорогой брат... Ты слишком долго разбирался с тем, что произошло. Если бы вы сами наказали виновных, то наш разговор был бы намного проще.

– Михаил, – Эдик от моих слов поморщился, как от горькой пилюли, а что? Государством править это не актрисулек по номерам валять, извольте напрячься, ваше величество, – право слово, я ведь не абсолютный монарх, у меня нет таких возможностей, я должен учитывать политическую обстановку, тем более что выборы...

– Тори опять могут взять верх над вигами? – не совсем к месту блеснул цитатой из мультфильма, но Эдуард этого мультика видеть не мог, потому просто прохлопал своими жабыми глазками и ответил:

– При чем тут это? У нас победили виги, тори в оппозиции...

Эх, Эдик, Эдик, правильный ответ: какие тролли, какие фиги! А ты не в курсе. Ладно, не беда.

– Дело в том, брат мой, что меня не интересуют ваши внутривнутриполитические расклады. Виновные должны быть наказаны. Те, кто отдавал приказ – в первую очередь.

– То есть тебе матушки, да еще двух самых крупных политиков страны мало? – почти с ужасом спросил король.

– А что, есть еще кто-то виноватый настолько же? – поинтересовался я в ответ. Знаю, еврейский прием – вопросом на вопрос отвечать, но сейчас он должен хорошо сработать.

Эдик побледнел еще больше.

– Эээ... – вот и все, что смог выдать из себя.

– Брат мой, я не настолько кровожаден. Поэтому на этом мы остановимся. И да, со смертью королевы Виктории мое письмо смысл потеряло. Только не надо делать удивленное лицо, я уверен, что содержание моего послания твоему величеству известно. Поэтому кое-что еще между нами осталось невыясненным.

– Письмо твое матушка сожгла, но его содержание стало нам известно... в общих чертах...

– Ну вот и ладно. Там сумма была выставлена. Она не оговаривается. Вот только я могу взять не золотом, а заводами... или промышленным оборудованием. Как договоримся.

– Да, но это очень большая сумма.

– Разделим ее на десять лет, мы забираем заводы и оборудование, а казна компенсирует затраты вашим промышленникам за эти самые десять лет. И только тогда, когда последний станок в рабочем состоянии окажется в России, я соглашусь на создание русско-британской судоходной компании. И никак иначе!

– Брат мой, но ведь это совершенно разорит страну, помилуй, за что? – На короля было жалко смотреть. Но... увы, никаких иных вариантов нет, разве что такой...

– Считаешь, что не за что? – давя Эдика взглядом, тот держится, но недолго. По лицу обильно стекает пот.

– Но это все равно как-то... – он смог что-то выдать из себя.

– Хорошо. Половина той суммы. Но при этом отказ от финансирования революционеров – любых мастей. И это должно быть закреплено законом. Прошу учесть, что финансист, который кормит террористов, станет мишенью уже для моих спецслужб. И мне достаточно будет косвенных улик.

– Но я же не могу вот так, это частные капиталы... – король-то сдулся. Гут!

– А ты объясни частному капиталу, что в гробу ему деньги будут не нужны, тем более что надо будет еще в гроб попасть. Могут и не найти, что в тот гроб положить. В ответ Россия обязуется не поддерживать ирландских или шотландских сепаратистов. Например.

– Хм... это хоть что-то...

– И еще, Британия не мешает естественному расширению России по ее сухопутным границам, мы же обязуемся не смотреть в сторону Индии и отказываемся от ведения крейсерской войны на торговых коммуникациях, я готов пересмотреть нашу судостроительную программу ради этого.

А дальше началась торговля, к которой присоединились уже другие специалисты – дипломаты и военные.

Генри Понсонби

После скоропостижной смерти любимой нами королевы Виктории я был уверен, что окажусь не у дел. Тем не менее Эдуард решил меня оставить и в качестве своего доверенного лица, тем более, убедившись в том, насколько щепетильно и честно я вел все финансовые дела королевской семьи. Я никогда не считал принца человеком легкомысленным, да, у него была большая слабость – женщины, но таков он по сути своей, и нечего особенно пенять на правителя, мало ли у кого какие недостатки или достоинства, это с какой точки посмотреть. Наше противостояние с Россией зашло в тупик, причем выходом из него могла стать война и только война. Необъявленная, она уже шла более полувека. Но этот дурацкий взрыв в Зимнем... Хуже всего было то, что всплыло наше участие в этом деле. Это было очень плохо. Огромная ошибка Дизраэли: он подобрал не тех людей, которым можно было бы доверить такое сложное дело. Вот и получилось, что при попытке создать коалицию против России от нас отвернулись все монархи Европы. Методы наших секретных служб стали для них красной тряпкой. Если на Германию мы не рассчитывали, то резкий отказ Франца-Иосифа с последующей нотацией нашему послу, что такие методы борьбы с монархами есть невозможные, оказался весьма неприятным фактором. А еще и итальянские корольки... вот уж... монархи... а все туда же, нос воротить! Репутационные потери империи оказались слишком велики. Даже во Франции мы не могли найти поддержки, нам ее обещали, но никто не спешил эти обещания выполнять. Начинать войну с Россией, не имея пехоты, которая будет действовать на полях сражений. У нас прекрасный флот, но армия не настолько сильна и занята колониями. Нельзя быть сильным во всем. А тут еще и в Турции начались проблемы. Мы вели переговоры со Стамбулом о выкупе их доли в Суэцком канале, а наши агенты изо всех сил продвигали идею независимого Египта, оставалось только дать отмашку... Но что-то пошло не так. И пока что Турция совершенно не хочет влезать ни в какие авантюры против России. И это самый неприятный момент. Ну что же, империя умеет ждать. К сожалению, против чего мы не смогли быстро найти оружия, так это от торговой войны с империей Романовых. Слишком много стали терять наши торговцы, особенно их взбесили потери от «Навигатского акта», неслыханная дерзость – обратить против нас наше же оружие! Посчитав потери, неполученную выгоду и необходимость перенастраивать нашу торговлю под поставки сырья, которое раньше шло из России, мы вынуждены были согласиться на переговоры. При этом Михаил очень четко показал, кто в данной ситуации хозяин положения. И хотя переговоры проходят на нейтральной территории, но все-таки король Эдуард вынужден идти навстречу пожеланиям императора, хотя бы для того, чтобы смогли лучше подготовиться к войне с этим опасным противником. Почему Готланд? Почему именно Висбю? Мне кажется, что царь хотел показать нам, что этот город когда-то был завоеван Россией, но потом они вернули его Швеции, уступив по итогам мира. Это знак: мол, мы можем быть грозными, а можем быть и великодушными. И условия договора, как и секретные статьи к нему, нам весьма

невыгодны, но ведь сказал канцлер Бисмарк, что договоренности с русскими не стоят бумаги, на которой их написали?³

Так что да, мы подпишем Готландский договор, по которому будут урегулированы все противоречия между двумя великими империями, вкуче с четким разделением сфер влияния в Средней Азии. Русские интересы не касаются Афганистана и Индии, мы же не лезем в Бухару и Коканд, и вообще в те земли, которые сейчас аккуратно выверяют по картам наши военные. Ну что же, пока все остальные заняты тем, что утрясают бумаги и вычитывают буквы соглашения, пойду-ка я пройдуся, тем более что тут у меня встреча одна намечается.

Когда-то этот город был одним из торговых центров Европы. Почти тысячу лет назад здесь был торг, куда приходило серебро с Востока, которое становилось кровью экономики всей Европы. Став важным торговым центром, Висбю процветал, мощная крепость, множество церквей, большой порт, что еще нужно иметь для развития? Город вступил в могущественный Ганзейский союз, вот только склоки внутри союза его и погубили. Не иноземные захватчики, а купцы вольного ганзейского города Любека вторглись на Готланд и разрушили город и порт до основания: конкуренты на Балтике им не были нужны. После этого погрома Висбю не восстановился. Теперь это небольшой приятный городок, в ботаническом саду которого был установлен павильон, в котором и происходила встреча. Еще бы пара недель и Финский залив сковало льдом, и встречу бы перенесли, а пока что... Я нахожу недалеко от ратуши кафе, в котором меня уже ждет весьма представительный человек, к тому же пунктуальный, как сам король. Он сидит в углу помещения, от посетителей его прикрывает большой куст какого-то экзотического растения, в общем, он выбрал весьма удобную позицию для переговоров.

– Добрый день, господин барон! – приветствую я этого господина. Он тучен, одет в роскошный костюм-тройку, пальто висит на вешалке, да, барон Луйс Герхард де Геер-аф-Фиспанг, первый премьер-министр Швеции, человек богатый и солидный. Солидность во всем – и его монументальном, как будто высеченном из грубого камня лице с густыми бровями, крупным носом и седыми бакенбардами, и в тяжелом взгляде из-под мохнатых бровей, и в презрительно сжатых губах, которые он чуть пошевелил, произнеся:

– Добрый день, сэръ Генри.

После столь приветливого дебюта встречи я взял небольшую паузу, заказав себе кофе, и стал пристально изучать своего визави. Он же даже мельком не взглянул в мою сторону, как будто я не был ему интересен. Ну что же, будем играть теми картами, что есть в наличии.

– Я не буду ходить вокруг да около, дорогой друг, потому что знаю, как много ваше правительство сделало ради сближения позиций Швеции с Британией по многим вопросам.

Луи Герхард де Геер пропустил эту льстивую ложь мимо ушей, тем более что он как раз сделал очень много ради сближения своей страны с Германией, в которой видел серьезный экономический потенциал. Так что мой первый выстрел ушел в пустоту. Но это так, прогревающий выстрел из главного калибра. Главное – впереди.

– Барон, я искал встречи с вами, потому что наш мир очень быстро изменился. И в этом мире ваше небольшое, но гордое государство находится перед серьезной угрозой.

Барон в ответ приподнял одну бровь, таким образом высказывая недоверие моим словам.

– Царь Михаил, с кем ведет переговоры его величество сейчас тут, в Висбю, очень агрессивный государь. И нам стало известно, что Швеция стала целью пристального изучения офицеров его Генерального штаба. Здесь данные допроса некоего капитана Михайловского, который весной посетил вашу страну с целью изучения состояния ее фортификацион-

³ Одна из ставших знаменитыми цитат, которой пытаются принизить Россию и русских вообще, принадлежит немецкому канцлеру Отто фон Бисмарку и на самом деле вырвана из контекста его высказывания: «Не надейтесь, что, единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно. Русские всегда приходят за своими деньгами. И когда они придут – не надейтесь на подписанные вами иезуитские соглашения, якобы вас оправдывающие. Они не стоят той бумаги, на которой написаны. Поэтому с русскими стоит или играть честно, или вообще не играть».

ных сооружений. Нам попала копия его доклада. Я с удовольствием передам вам этот документ, думаю, ваши коллеги смогут его достойно оценить.

– Было неразумным просить о встрече со мной именно здесь, – буркнул в ответ барон.

– Обстоятельства выше нас. Мой друг, ваша позиция по перевооружению армии Швеции и реформам, связанным с улучшением ее состояния, нам вполне понятна. Более того, мы были огорчены, когда ваши проекты не получили поддержки, и вы вынуждены были уйти в отставку, уступив этому выскочке Арвиду Поссе. Правда, мы получили некоторые данные, которые вас весьма заинтересуют. Во-первых, тут динамика поставок зерна из Северной Америки. Как видите, в ближайшие несколько лет намечается падение цен на зерно, так что уже сейчас сельские производители в Швеции будут разорены, если не предпринять срочных мер. А их правительство Поссе не планирует. А вот тут данные про то, как, прикрываясь экономией бюджета, Арвид и его команда запустили руку в казну государства. Почему нас это волнует? Потому что, став снова премьер-министром, у вас просто не будет денег, чтобы провести необходимые реформы.

Наступила тишина. Мой «собеседник», не произнесший и двух десятков слов, молча изучал предложенные документы.

– Зачем вам это? – де Геер по-прежнему краток. Даже слишком.

– У нас есть предположение, что Михаилу для поддержания своего строгого режима вскоре понадобится новый враг. С Туркестаном он уверен, что справится более-менее быстро. А через два-три года он планирует вторжение в Швецию.

– Зачем?

– Шведское железо! У него гигантские планы по строительству железных дорог. И своего железа не хватает. В этом году из России не уйдет за границу ни одной тонны чугуна или стали. Зачем платить за железо, если можно взять его силой? Плюс – свободный выход в Северное море.

– Мне это не кажется, – барон сохраняет такое же каменное безразличие, как и в начале разговора.

– Давайте, барон, договоримся честно: когда вы станете снова премьер-министром, а данные о коррупции Поссе и его кабинета уже в руках независимой прессы, вы сможете настоять на своих реформах, мы вам опять немного поможем. Когда у нашей разведки появятся точные данные о подготовке России к вторжению, вы получите их первым. Мой человек передаст вам вот такую визитку.

Кусочек картона перекочевал в руки барона де Геера.

– Пообещайте мне только одно: когда этот человек появится у вас – вы его слушаете.

Я был доволен: Луи Герхард коротко кивнул головой. Начало Большой игры на Севере было положено.

Глава третья. Первый офицер подплава

*Одно дело – рассуждать о необходимости сделать первый шаг, и совсем другое – по-настоящему шагнуть в неизвестность.
Луис Ривера*

*Санкт-Петербург
26 августа 1880 года*

ЕИВ Михаил Николаевич

Одним из первых моих указов было возвращение Морскому училищу наименования Морского Кадетского корпуса. И Сандро с успехом сдал все вступительные экзамены для того, чтобы быть зачисленным в это элитное учебное заведение. В нем было шесть классов – три младших и три старших (специальных), при этом уделялось много внимания и практическим занятиям, тем более что выпускники корпуса (гардемарины) должны были пройти годичную практику на флоте, после чего только получали офицерский чин. Больше всего я переживал за Закон Божий, но академик успешно сдал все экзамены, причем показал уровень знаний, восхитивший многих преподавателей. Вообще-то Коняев всегда уважал математику и очень ловко использовал в научных работах различные статистические методы, в этом я был ему учеником, да еще и не самым лучшим. Ну не мое математика, точнее, не совсем мое. Конечно, преподаватели знали, чей сын поступает в их корпус, но снисхождения на экзаменах не было. Может быть, отношение было чуть более доброжелательное, чем к иным претендентам, ну так... Тем более что было решено увеличить набор – я посчитал, что 50 человек в наборе маловато, и пока что увеличил набор до семидесяти. В ту же Николаевскую академию Генерального штаба набор был увеличен ровно вдвое. А даже такое скромное увеличение влекло и увеличение должностных окладов, это начальство корпуса понимало прекрасно!

За все это время до того, как отбыть в корпус, Сандро (он же Коняев Михаил Николаевич) трудился, как раб на галерах. В моем сейфе хранились две дюжины тетрадей, исписанных чуть корявым детским почерком, точнее, почерком подростка. Большинство из них были зашифрованы весьма простым, но надежным шифром. Не зная, какую сетку надо было применить для расшифровки, нечего было и надеяться его разгадать. Без компьютерной техники...

Но один из летних дней оказался весьма неожиданным и столь же плодотворным. В этот день я успел устать с самого утра. Блин, как меня достала эта каторга! И как это надо справляться с этим даже не ворохом, а лавиной бумаг, которые нужно не только пробежать глазами, но изучить, вникнуть и лишь затем начертать свою резолюцию. Эти мысли постоянно распирали мою бедную «царскую» голову, и каждый раз, когда Витте приносил очередной ворох бумаг на подпись, вспоминались слова Поэта: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха». Хорошо еще, что скоро должен подойти Сандро и, по легенде, отчитаться перед строгим родителем об усвоении пройденного курса наук. А реально «сынок» должен помочь подготовить материалы к запланированному на завтра совещанию, посвященному делам подводным. Академик и в прошлой жизни был не прочь съехидничать в адрес своих аспирантов и докторантов, но после попадания в тушку юноши его язвительность приобрела несколько большие масштабы. Вот и вчера, когда оговаривали повестку, этот наглый старикан в обличье подростка, невинно хлопая глазками, к месту процитировал А. С. Пушкина: «Не хочу быть вольною царицей, хочу быть владычицей морскою». Но после шлепка по затылку, нанесенного тяжелой отеческой дланью, чуток присмирел и, потирая ушибленное место, заверил в полном понимании ответственности вопроса и обещал подготовить парочку идей. Вообще-то мы с ним обсуждали эту проблему

на протяжении всего мая и к началу лета сформировали список персоналий, без присутствия коих не стоило надеяться на позитивный результат. Слава богу, что я в детстве зачитывался книгами о подводных лодках Перли и Шапиро, а уж «Мастера потаенных судов» Быховского содержали подробный перечень имен, дат и фактов. Но без Коняева я бы не справился. Его память, отточенная специальными тренировками, немногим уступала компьютеру, и в результате коллективных усилий на стол моего секретаря Витте лег перечень фамилий с указанием: найти и пригласить ко мне на понедельник, 14 июня ровно в полдень. Последним штрихом стал подписанный Указ о производстве и урегулировании некоторых формальностей с Капитулом императорских орденов и с одним из банков столицы.

В назначенный день в зале, где я проводил совещания, собралась весьма живописная компания. Моряков представляли адмиралы А. А. Попов и К. П. Пилкин, а также капитан-лейтенант С. О. Макаров. От кораблестроителей был П. А. Титов. К категории конструкторов подводных лодок относились С. К. Джебевский и И. Ф. Александровский, а к миру науки Д. И. Менделеев и доцент Санкт-Петербургского лесного института Д. А. Лачинов. Ну а тех, кого по заслугам можно именовать изобретателями, представляли Ф. А. Пироцкий и О. С. Костович. Часть этих людей были не только хорошо знакомы, но и явно недружны. Во всяком случае, на лицах Пилкина и Александровского не было ни малейшего намека на взаимную приязнь, а скорее недовольствие и неприязнь созерцания друг друга. Но воля императора священна, и все присутствующие, разбившись на несколько групп, негромко переговаривались. Всю эту картину я наблюдал из соседней комнаты, через совершенно незаметное отверстие, и как только часы пробили двенадцать раз, распахнул дверь и вошел в зал.

– Добрый день, господа, прошу вас, присаживайтесь.

К услугам гостей был большой круглый стол, накрытый бархатной зеленой скатертью. На столе лежали новомодные блокноты и письменные принадлежности, а также стояли несколько графинов с водой и прохладительными напитками. Стулья были совершенно одинаковыми, и лишь один из них немного выделялся и предназначался для председательствующего сего собрания. Я занял именно его и положил перед собой большую папку с бумагами и шкатулку.

– Итак, господа, я собрал вас для того, чтобы обсудить ряд вопросов, кои крайне важны для нашей матушки России, и для их решения нужны ваши ум, знания и опыт. А посему предлагаю общаться без чинов, как принято на флоте, по имени-отчеству. Но прежде чем начнем нашу совместную работу, я хочу исправить несправедливость по отношению к одному из присутствующих.

Я встал и, жестом призвав остальных пока оставаться на своих местах, обратился к Александровскому, который менее всего этого ожидал:

– В воздаяние трудов, для пользы общественной подъемлемых, присутствующий здесь господин Александровский производится в чин действительного статского советника и награждается орденом Святого Владимира второй степени.

Услышав эти слова, Иван Федорович вначале оглянулся по сторонам, как будто рассчитывая увидеть своего однофамильца, но наконец поняв, что император обращается именно к нему, вскочил и застыл. Понимая его состояние, я сделал паузу, давая ему прийти в себя, извлекая из папки текст указа, а из шкатулки крест и звезду ордена. И лишь помощь Дмитрия Ивановича Менделеева, оказавшегося поблизости, позволила Александровскому взять себя в руки и двинуться ко мне. Я же, улыбаясь и желая его поддержать, обратился к присутствующим:

– Господа, давайте все вместе поздравим господина Александровского с заслуженным производством и награждением, – а когда вручал ему документы заметил: – Завтра, Иван Федорович, посетите свой банк. Все недоразумения, связанные с задержкой причитающихся за ваш труд выплат, устранены, и надеюсь, что вы с новыми силами продолжите трудиться во благо Отечества. А вот это, – я показал пальцем на запечатанный конверт, – лично от меня.

Когда шум поздравлений стих, а также были осушены бокалы шампанского, занесенного лакеем в зал, все вновь расселись по своим местам, и я продолжил:

– Господа, а теперь вернемся к делам. Но вначале я обязан предупредить присутствующих о том, что все, что вы здесь услышите, относится к государственной тайне и не подлежит оглашению нигде и никогда. Любой из вас вправе встать и покинуть этот зал до того, как начнется наше совещание, и сие не повлечет никаких последствий. Но те, кто останется, должны дать слово чести хранить все в тайне и подтвердить это письменным обязательством.

Прошла минута, вторая... Никто не поднялся со своего места и лишь с ожиданием смотрели на меня.

– Я рад, господа, что не ошибся в своем выборе, и вижу перед собой настоящих патриотов России. А посему продолжаю. Для вас не секрет, что Англия находится с нами в состоянии войны, и то, что пушки пока еще молчат, объясняется лишь отдаленностью наших стран и тем, что если флот островитян в значительной степени сильнее российского, то настолько же их армия уступает нашей. По сему случаю есть весьма удачные слова канцлера Германской империи Бисмарка: «Если британская армия высадится в Германии, я просто прикажу полиции арестовать ее». Это, естественно, в некотором роде шутка, но доля правды в ней несомненно есть. Подлые дети Джона Буля привыкли воевать на суше чужими руками, но на морских просторах пока главенствует только Royal Navy. Мы, к сожалению, не в состоянии спустить со стапелей столько броненосцев, чтобы сойтись с британцами в линейном бою и устроить им вторую Чесму или Калиакрию. На сегодняшнем совещании присутствуют боевые офицеры Российского Императорского флота, которые олицетворяют его славное прошлое, настоящее и будущее. А посему я предлагаю выслушать краткое сообщение адмирала Попова по сему вопросу. Прошу, Андрей Александрович, приступайте, можете не вставать.

Безусловно, адмирал был заранее мной предупрежден и лаконично, но ярко и эмоционально огласил данные по броненосцам и иным боевым кораблям обеих империй. Закончил же свой доклад он сравнением возможностей промышленного производства, в коем британцы почти в три раза превосходили Россию. Естественно, что услышанное не улучшило настроение присутствующих, а Макаров не удержался и выдал тираду, кою матушка-государыня Екатерина из женской деликатности и политесу относилась к чисто морской терминологии. Однако народ повеселел, при виде того, как адмирал Пилкин пинками локтя пытается успокоить разгорячившегося капитан-лейтенанта. А Попов на правах старейшего из присутствующих, одетых в военные мундиры, по-отечески покачал головой и погрозил ему кулаком.

– Господа, вопрос прост: если мы не можем выставить против британских вымпелов равное количество своих, то будем руководствоваться словами одного мудреца: «Лучше меньше, но лучше». То есть каждый наш корабль должен не только не уступать аналогичному британскому, но и по возможности превосходить оный. А посему сообщаю, что казна выделяет необходимые средства для строительства опытового бассейна, и есть мой именной указ. При проектировании следует ориентироваться на действующий в городе Торки, но не забывая при этом про все технические новинки. Например, зачем буксировать модель корабля паровой лебедкой, если есть электромоторы?

Я посмотрел на собравшихся. Идея опытового бассейна ни у кого отторжения не вызвала, но и секретного ничего в этом не было. Пока что.

– Андрей Александрович, прошу вас предложить кандидатуру от адмиралтейства куратора сего строительства, Дмитрий Иванович, а за вами научное сопровождение. О ходе работ докладывать мне лично. А вы, Степан Осипович, тоже подключайтесь, ибо задача сложная и решить ее кавалерийским наскоком не получится. А то, что вы будете сейчас на Каспии, может оказаться даже нам на руку.

Макаров благодарно кивнул головой, он уже оценил императорское благоволение, оказавшись в команде со столь серьезными людьми о многом говорило.

– Господа, а сейчас я попрошу вашего внимания. Вы все в курсе того, что во всех морских державах пытаются создать аппараты, которые могут передвигаться под водой. Их еще называют подводными лодками. На сегодня это всего лишь игрушки, которые пока что боевого значения не имеют. Их плюсы – скрытность передвижения и незаметность. Минусы – ненадежность, малый радиус действия, не отработанная тактика применения и скверное вооружение. Кто-то имеет что возразить?

Я осмотрел зал. Девецкий нервно морщил лоб, но возражать государю пока что не смел.

– Небольшой подводный корабль может с успехом потопить надводного левиафана. Это все так. Я имею в виду потопление шлюпа северян «Хьюстоник». И это при том, что подводная лодка «Ханли», совершившая первую в мире результативную атаку боевого корабля, была изготовлена в кустарных условиях путем переделки старого парового котла. Можно долго говорить об эволюции подводных судов, но пусть этим занимаются историки. До тех пор, пока в нашем распоряжении не будет надежного двигателя, создать боевую подводную лодку практически невозможно. И это может быть только электрический двигатель. В архивах военного министерства нашлось письмо генерала Карла Андреевича Шильдера. Вот что писал этот выдающийся инженер и изобретатель: «Для возможности усовершенствования сего предмета остается только желать, чтобы профессор Якоби успел представить несомненными опытами возможность удобного применения электромагнитической силы для произведения двигателя хоть не более в силу 2 или 3 лошадей. В таком случае представилась бы возможность заменить машиною гребцов, и все поныне встречаемые через них затруднения для продолжительного и в некоторых случаях безопасного подводного плавания были бы устранены». Это не просто письмо, это, если угодно, послание всем присутствующим здесь с призывом наконец сделать это.

На этом месте я сделал паузу и налил себе стакан воды. Пока я не спеша пил, то краем глаза наблюдал за аудиторией. На лицах Александровского и Девецкого появилось выражение растерянности, адмирал Пилкин не смог скрыть самодовольную улыбку. Знали бы они, что такая реакция была предсказуемой и всех присутствующих ожидает некий сюрприз, но аудиторию следовало довести до нужной кондиции, а посему я продолжил:

– Прошу, господа, посмотреть на этот эскиз.

Я открыл планшет, на котором весьма и весьма условно была изображена немецкая подводная лодка седьмой серии, та самая рабочая лошадка кригсмарине, которая устроила геноцид торгового флота англосаксов в ходе Второй мировой войны.

– Прошу обратить внимание на проект этого «Наутилуса». Это тот идеал, к которому мы обязательно должны прийти, пусть путь займет не один десяток лет. Прошу вас, можете ознакомиться поближе.

Сразу же возле эскиза, выполненного накануне Сандро, возникло броуновское движение из присутствующих тут господ военных и ученых. Я же продолжал самым противным менторским тоном, который нашел в запасе:

– Это квинтэссенция идеи подводных лодок, возможных на современном научном уровне, ну, чуть-чуть его опережающем. Но не настолько, чтобы не суметь создать это чудо в металле. Прошу обратить внимание: подводная лодка имеет шесть секций, каждая из которых изолирована от других водонепроницаемой переборкой. Вооружение сего корабля: пять минных аппаратов, которые предлагаю называть торпедными, дабы не путать самодвижущиеся мины с минами заграждения. Четыре – в носовой части и один в корме. Рядом с торпедными аппаратами находятся запасные мины в количестве шести штук, боевой запас субмарины. Для выведения из строя крейсера достаточно попасть одной миной, броненосца – двумя-тремя. За один поход лодка может уничтожить два-три броненосца. Для того, чтобы топить торговые суда, она имеет скорострельное орудие Барановского с запасом снарядов. Двигатели на лодке двойного предназначения: для движения по водной глади двигатель внутреннего сгора-

ния, а под водой – электрический. Зарядка аккумуляторов происходит во время работы двигателя внутреннего сгорания. Лодка имеет запас кислорода и запас сжатого воздуха. Погружение за счет цистерн балласта. Всплытие – за счет продутия этих цистерн сжатым воздухом. Лодка имеет водоизмещение от шестисот до девятисот тонн. Скорость около двенадцати-пятнадцати узлов в надводном положении и пяти-шести в подводном. Связь с берегом происходит при помощи беспроволочного телеграфа, работы над которым уже ведутся. Предваряя ваши вопросы скажу, что эта концепция явилась из того, как мы представляем себе тактику подводной войны – подводная лодка не дает дыма, подкрадывается к кораблям противника, выходя им на встречный курс. С расстояния в пять-шесть кабельтовых наносит удар торпедами и уходит под воду, скрываясь от кораблей охранения. То есть – перед нами свободный охотник. Одиночный морской волк.

И тут посыпались вопросы: что, когда, почему. Потом появился список технологий и решений, которые необходимо для создания этого корабля решить. Список получился весьма солидным; видя, как он привел в минорный лад наших конструкторов, я сказал:

– Господа, вы же знаете, как надо есть слона?

– Ртом, – брякнул Макаров и тут же ладонью закрыл себе рот.

Тут все весело рассмеялись, градус напряжения сразу же пошел вниз.

– Согласен со Степаном Осиповичем, другими отверстиями жевать слона никак не получится... но индусы утверждают, что слона надо есть по кусочкам! Создать сразу же такой проект пока никому не по силам, поэтому пока что сей эскиз полежит у меня в сейфе. Мы же с вами попробуем сделать первый кусочек: небольшую подводную лодку, у которой будет единственный торпедный аппарат с одной-единственной торпедой и электрическим двигателем. Думаю, что эта миниатюрная лодка должна идти с кораблем-маткой, которая будет заряжать ей аккумуляторы, выпуская лодку-носитель неподалеку от места расположения условного противника.

Еще через полчаса у господ присутствующих было примерное техзадание на создание первой боевой подводной лодки Российской империи.

Я снова взял слово:

– Но даже если у нас каким-то чудом появится сей «Наутилус», то откуда мы сможем взять подготовленный экипаж? Ни одна самая совершенная в мире машина не способна эффективно работать без специально обученных специалистов, ибо из всех капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Присутствующий здесь Дмитрий Иванович, как истинный ученый, подсказал мне единственно возможный путь комплексного решения этих двух задач.

Менделеев, с которым мы действительно несколько раз беседовали по сему поводу, согласно закивал.

– Перед отъездом великого князя Константина Николаевича в САСШ, где генерал-адмирал знакомится с новинками военного судостроения и возможностями использования их в России, мы обсуждали и вопросы, связанные с водолазной службой. Он настаивал на необходимости создания водолазной школы. Я полностью поддерживаю это предложение, но с небольшим изменением. Мы должны создать научный и учебный центр, в котором занимались бы вопросами не только водолазных спусков, но и использования любых погружаемых аппаратов, включая прежде всего подводные лодки. И создадим его на Каспийском море. Поэтому аппараты, созданные господами Александровским и Джевецким, получают статус учебных кораблей, но одновременно должны проводиться серьезные научные исследования. Готовьте ваши аппараты к транспортировке. Здесь, Дмитрий Иванович, опять нужна помощь российских ученых по анализу атмосферы внутри подводной лодки, способы его очистки, возможности оказания помощи в случае аварии. Кстати, Иван Федорович... Александровский, полностью успокоившийся, перевел взгляд на меня и внимал каждому слову.

– Если я не ошибаюсь, то у вас была создана очень интересная конструкция, подводный тарантас, которая позволяла двум водолазам находиться под водой на протяжении нескольких часов, потребляя воздух из специальных баллонов, установленных на тележке?

– Именно так, ваше импер... – заметив, что я укоризненно покачал головой, он быстро поправился: – Михаил Николаевич. Был изготовлен комплект оборудования, позволяющий находиться под водой не менее трех часов. Испытания проходили на глубине пять метров.

– Великолепно, следовательно, если корабль оснастить шлюзовой камерой, как это было на «Гидростате» конструкции Пайрена, и он подойдет к нужному месту и выпустит несколько пар водолазов, то они смогут заложить мину с часовым механизмом, а затем вернуться обратно на свой, ну, назовем его... скажем, «транспорт». Вы сможете продемонстрировать мне это оборудование? А с водолазами нам сможет помочь Константин Павлович.

Просьба императора сродни приказу, от коего ее отличает лишь толика политеса. Но вместо ожидаемого согласия и проявления энтузиазма и готовности показать государю диковинку, и Александровский и Пилкин молчали и лишь переглядывались. Причем, судя по некоторым признакам, адмирал нервничал значительно больше. Наконец Александровский решился и осторожно начал:

– Видите ли, Михаил Николаевич, после успешных испытаний это, как вы изволили выразиться, оборудование было сдано на склад, а далее... гм-м... В общем, его приказали разобрать. Баллоны, скафандры и шлемы передать водолазам.

– Ну а хотя бы чертежи сохранились?

Я потихоньку начал закипать, но услышав заверения, что они в наличии, немного успокоился. Можно, конечно, после совещания выразить адмиралу свое неудовольствие, но с ним еще предстоит работать. Судя по воспоминаниям из будущего, именно Пилкин стоял у истоков водолазной школы и вообще сделал много полезного для Российского флота.

– Хорошо, Иван Федорович, я надеюсь, что проблем с восстановлением вашего подводного тарантаса больше не будет.

– А теперь пришел и ваш черед, Степан Карлович, – обратился я к Джевецкому. – Строить серию из пятидесяти подводных лодок с мускульным приводом мы не будем. Но имеющиеся экземпляры также переходят в разряд учебных, а затем и опытовых кораблей. Но я бы попросил вас объединить свои усилия с Иваном Федоровичем и заняться вопросом создания аппарата для запуска самодвижущей мины, точнее, торпеды из-под воды. Ну а что касается аккумуляторов и электродвигателей, так необходимых для подводных лодок, то я надеюсь на помощь господ Лачинова и Пирецкого. В ближайшее время к вам присоединится и еще один специалист в сфере электротехники. Всевозможная техническая, организационная и финансовая помощь будет вам оказана. Но двигаться исключительно на электромоторах, причем проходя значительные расстояния, насколько я знаю, способна только одна подводная лодка, а именно «Наутилус», созданный игрой воображения Жюль Верна. Нужен двигатель и для надводного хода. Игнатий Степанович... Костович внимательно внимал моим словам.

– Я наслышан, что у вас успешно продвигаются изыскания по разработке двигателя внутреннего сгорания с циклом Отто и применением жидкого легкого топлива, и даже изготовлена действующая модель. Я уверен, что в случае достижения необходимой мощности этот двигатель будет весьма востребован и в армии, и на флоте.

Но для воплощения в жизнь замысла конструкторов нужен талантливый кораблестроитель, которым, без сомнения, является Петр Акиндинович Титов. А посему, господа, вы нужны не только мне, вы нужны нашей матушке России. Дайте ей могучее оружие, чтобы поражать британские броненосцы и крейсера. В создаваемом центре подводного плавания, или экспедиции особого назначения, вас ждут научные и инженерные должности и недурственное жалование, которое будет выплачиваться с момента вашего согласия, поданного в письменной форме. О секретности сего мероприятия говорить не буду. Все технические новинки будут оплачены и

защищены привилегиями. Прошу учесть, что с заграничными правами мы будем весьма осторожны, дабы наши вероятные противники не обошли нас за счет технологических преимуществ. Настоятельно прошу отнестись к этому ответственно, как и к тому, что каждого из вас будут охранять, надеюсь, что ненавязчиво и незаметно. Я вынужден покинуть вас, а пока что сотрудник корпуса жандармов ознакомит вас с нужными бумагами и объяснит порядок охраны и вашего режима. Благодарю всех за плодотворный труд.

Глава четвертая. Несколько страниц из жизни сыскаря

*Иногда сыщик, занимаясь одним преступлением, случайно
раскрывает совсем другое.*

Анна Кэтрин Грин

*Санкт-Петербург
12 сентября 1880 года*

ЕИВ Михаил Николаевич

Я хорошо помню тот день, когда ко мне с докладом вошел этот человек. Начальник сыскной полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин. Он был удивительнейшим образом не похож на известные мне по книгам и фотографиям портреты.

Нет, вытянутое лицо, высокий лоб, острый нос, быстрый взгляд, мгновенно оценивающий собеседника, все это было при нем, как и роскошные бакенбарды, вот только лицо почтенного начальника сыска украшали роскошные усы и борода, так что да... не узнал бы, если бы не знал заранее, кто ко мне явился с отчетом о проведенном расследовании. Удивительным было то, что Иван Дмитриевич нашел нечто, что упустили сыскари из жандармского корпуса. А именно – печника, который работал во дворце и уволился примерно за полгода до случившегося взрыва. И этот... типус сознался, что «за денежку малую» задолго до Халтурина заложил почти в том же месте почти два пуда динамита. Причем сдал он и своего нанимателя. А выжил только потому, как осознал, что после того, как приведет адскую машинку в действие, так от него избавятся. Не дурак этот Варфоломей Присяжников, совсем не дурак. А потому попросил перед делом подкинуть денюжат – на баб, а сам – деньги схватил и в кусты. Изменил себе фамилию и имя, сбрил бороду, стал мещанином Иваном Коробкиным, мелким торговцем. «Завис» у одной вдовы в Торжке.

– И как вы этого гада обнаружили, Иван Дмитриевич?

– Сначала мне показалось странным, что человек со службы не рассчитался честь по чести, а как будто сгинул. Просмотрел сводку происшествий, но по приметам никого похожего среди неопознанных трупов за сие время не было. А дальше стал расспрашивать. Выяснилось, что у Варфоломея имеется жена и трое деток малых, которые хворают. Так что перед тем, как пропасть, оставил им наш печник денюгу изрядную, вот только не могло у него таких средств быть. Тут оставалось два варианта: либо убили и спрятали тело, либо куда-то удрал. Три месяца скрытно вели наблюдение за семьей Присяжниковых. А тут какой-то непонятный чужой к ним в дом вошел да быстро вышел, а Евдокия, значит, вышла на крыльцо и была весьма взволнована. Агент установил, что сей посетитель на искомого печника не похож никак, но за ним проследил на всякий случай. Выяснил, кто это, где остановился. Оказался мелким торговцем, как это называют англичане, «коммивояжер», а по-нашему называли бы лоточник, только он не на лотке торгует...

Увидев, что я смотрю несколько иронично, понял, что слишком уж увлекся своими объяснениями, пытаюсь втолковать мне вполне очевидные вещи...

– Простите, ваше императорское величество, в общем, этот человек передал «посылочку» – деньги от своего случайного знакомого, тоже торговца. Вот так мы и вышли, шаг за шагом на Ивана Коробкина, а уж сопоставить эти две личности оказалось проще простого.

– Прекрасно, Иван Дмитриевич, я весьма доволен результатами вашей работы, а вот пригласил я вас не совсем по этому поводу...

Иван Дмитриевич Путилин

Когда меня в первый раз вызвали к государю, я был удивлен тем, как он быстро сориентировался в специфике нашей работы, мне было ясно, что он понимает все, что я ему говорю, а потом он спросил меня, знаю ли я о работах некоего британца Уильяма Гершеля, полицейского чиновника из Индии. Я ответил, что нечто про папиллярные линии слышал, но в целом сия гипотеза еще не доказана, научного обоснования не имеет, а потому представляет скорее научный интерес, нежели практический.

– Увы, Иван Дмитриевич, понимаю, что у вас нагрузки на работе колоссальные, вы просто не успеваете следить за техническими и научными новинками, в том числе в криминалистике. Но в этом вопросе я думаю вам помочь. И сделать мы должны с вами три важнейших дела. Не изволите ли чаю? Мне прислали немного восточных сладостей, кои я распробовал еще в бытность свою наместником на Кавказе, так вот, прошу вас составить мне компанию.

Отказываться мне было не с руки, государь предложил немного кларета, который оказался превосходного вкуса, вместо аперитива, я и сейчас отказываться не стал, когда еще такое случится, с самим императором чаевничать? Попили чай, а вот потом меня Михаил Николаевич сразил совершенно. Он лично взял мой бокал, из которого я пил кларет, достал коробочку с какой-то черной пылью, после чего с ловкостью фокусника прямо над скатертью осыпал бокал порошком, после чего прошелся по нему легчайшей кисточкой. И я увидел на бокале линии. Белые линии на черном фоне. Потом государь взял лист белой плотной бумаги, попросил меня обмакнуть большой палец в черную пыль, после чего прижал оный к бумаге. И там я увидел четкий отпечаток линий.

– А теперь, Иван Дмитриевич, возьмите на столе лупу. Рассмотрите отпечаток вашего большого пальца на бокале и на печатном листе. Вы ведь не удивлены, что они совпадают. А теперь тут еще четыре листка, тут отпечатки больших пальцев трех разных людей. Сможете их различить?

Через некоторое время я понял, что это возможно, рисунки действительно не походили друг на друга и только на двух листках были как близнецы.

– Не буду говорить, какие возможности открывает перед вами сей метод. Хотя нет, вот вам ситуация. У вас есть орудие убийства: нож, но есть три подозреваемых. Кто нанес удар сиим предметом? Вот, метод поиска ответа пред вами – тот, чей отпечаток оказался на рукояти, а двое остальных получают невиновны либо соучастники. Возьмем более сложный случай. Нашли человека, убитого ударом по голове. Рядом с ним окровавленный топор. Вот вам предмет убийства. Только оказывается, что на топоре отпечатки пальцев только убиенного. Что сие означает?

– Скорее всего, что за этот топор хватался только убиенный и это не тот предмет, что мы ищем.

– Браво, Иван Дмитриевич, вы точно ухватили суть: может быть, хозяин курицу топором зарубил, а его ударили дубьем. Вот и надо искать дальше. Правда, убийца мог быть и в перчатках, не оставить следов. Так что это не панацея, но метод, который вам очень сильно облегчит жизнь. Но только после того, как будет найден наиболее эффективный метод его использования. А посему вот мое решение: первое – создать при столичном сыском отделении научно-технический отдел, дабы все новинки в методах расследования преступлений оказывались быстро изученными и найдена возможность их применения. Второе – создать должность эксперта, который будет применять научные методы дознания во время расследования преступлений. И именно в обязанностях эксперта будет дактилоскопия – исследование отпечатков пальцев на месте преступления. Третье – создать настоящую эффективную карту-теку преступников, куда кроме их примет вносить и дактилоскопическую карточку. Что сие? В этой брошюрке, переводной, вы найдете, как правильно оценивать карты отпечатков пальцев.

Думаю, что вашему эксперту и сотрудникам научного отдела будет чем заняться. Но поиск преступников значительно облегчит. Берите, прочтаете на досуге, хотя когда это он у вас бывает, этот самый досуг? И еще, подумайте, может быть, следует каждому преступнику завести еще и фотографическую карточку, где его изобразить в анфас и профиль. Сие тоже может помочь в скорейшем его обнаружении. А вот, чуть не запамятовал, возьмите на работу художника. Хорошего. Из тех, что рисуют портреты прохожих. Пусть составляют портреты преступников по описаниям свидетелей. Финансирование всего этого я вам гарантирую. Жду от вас конкретных предложений по ставкам и составу нового отдела.

– Извините, ваше императорское величество, дагерротипирование или, как принято сейчас говорить, фотографирование преступников дело весьма дорогое, тут лаборатория отдельная нужна.

– Хочу сказать вам, Иван Дмитриевич, что сейчас получен новый материал, целлулоид, его использование для фотографирования делает сей процесс более дешевым и простым. Так что вскоре это будет вполне обыденное занятие, а вот насчет лаборатории вы правы, а я запамятовал. Вам без лаборатории никак не возможно! Так что жду ваших предложений... через неделю. Справитесь? Вижу по вашим глазам, что... ладно, через десять дней...

Думаю, что глаза мои были не квадратными, а кубическими, и как не вылезли из орбит – понятия не имею! Я никак не ожидал, что государь в своих пожеланиях превзойдет мои самые смелые мечты и прожекты. Чтобы добить меня окончательно, он сказал:

– И вообще, Иван Дмитриевич, ваше дело сыска надо ставить на научные рельсы и начинать готовить профессионалов своего дела. Скажите, где у нас готовят на сыщика? Вот именно! Такого учебного заведения нет. Думаю, необходима школа, нет, даже училище полицейских кадров, с отделением сыска. И вам не отвертеться от того, чтобы не поделиться своими знаниями с теми, кому это станет необходимым в ближайшем будущем.

А уже через месяц в штате моего сысканого отделения появился и научно-технический отдел, к которому были приписаны криминалист-фотограф Альфред Качинский и криминалист-дактилоскопист Карл Стандарт, а также уличный художник Калистрат Хамовников. Но новость о том, что такие же криминалисты вскоре окажутся во всех крупных городах России, меня искренне обрадовала. Ведь теперь нам, сыщикам, стало работать намного легче.

Надо сказать, что отечественная криминалистика развивалась более в направлении медицинских исследований, тех же описаний ран от холодного и огнестрельного оружия, последние подробно составлены Николаем Ивановичем Пироговым. Были исследования по обнаружению ядов. Но исследование доказательств преступления, обнаруженных во время следствия на научной основе, серьезным образом хромало.

Я решил рассказать вам историю, которая не войдет в мои мемуары, если у меня будет время и силы их составить. Почему не буду? Ибо в этом деле выявились интересы государственные, что стало для меня полнейшей неожиданностью. Ибо ничто не предвещало ничего необычного. Банальное убийство мещанки С., двадцати одного года, сделанное, скорее всего, в приступе ревности. Кинжал, которым было сделано убийство, был найден на месте преступления, даже более того, оставлен в ране. Удар был нанесен весьма профессионально – в сердце со спины, очень может быть, что жертва пыталась кричать, а ей закрывали рот, во всяком случае, мне так показалось. Девушка сия была росту среднего, довольно упитанна, со слов соседей и дворника, ничем особо не занималась, деньги на содержание ей присылали родители из Казани. Живет в доходном доме купчихи П. уже второй год. Платит исправно, в скандалах не замечена. А вот кинжал, точнее, кортик, был весьма примечательным, хотя бы тем, что это было оружие морского офицера. Стали спрашивать, не было ли у нее поклонников. Было, и даже несколько. Причем дворник заметил, как однажды девушку к дому подвез экипаж и выйти ей помог как раз морской офицер, ибо был при мундире и с оружием. Но вот у себя госпожа С. мужчин не принимала – это в один голос утверждали и дворник, и соседи. Вела себя более чем скромно,

работы не искала, много читала, по словам одной из соседок, готовилась к поступлению на Бестужевские курсы. Во всем этом была какая-то странность, но мне пока что не удавалось ее уловить. Первый тревожный звоночек прозвучал в ответе на мой запрос из Казани: никаких господ Д., чьей дочерью сказывалась и значилась госпожа С., в сем городе никогда и не было. Вторая странность – деньги к ней приходили не из Казани, а из Москвы, через весьма солидный банк с анонимного счета. Это было весьма подозрительно. На орудии убийства оказались отпечатки пальцев, достаточно четкие, что не могло не радовать. Осталось найти того самого морского офицера, которому оные «пальчики» принадлежали.

И тут были свои сложности. Морские офицеры всегда считали себя элитой, полицейские чины ими были презираемы, как найти среди них того единственного, что был нам нужен? Учитывая странности с госпожой С., я решил обратиться к одному жандармскому чиновнику, с которым сложились давние приятельские отношения. Я пригласил одного господина на обед в весьма недурственное заведение, которое использовал для тайных встреч, ибо оно имело несколько кабинетов, в которых можно было говорить приватно и не бояться быть подслушанным. Ротмистр М. сразу же понял мои проблемы, впрочем, среди морских офицеров к голубым мундирам отношение было еще хуже, чем к полицейским. Но нами была разработана весьма остроумная операция. Правда, последствия ее я сам не мог представить себе, но это оказалось уже не совсем в моей компетенции. 27 июля в Морском собрании торжественно отмечалась первая победа морского флота России в сражении у мыса Гангут над шведской эскадрой. На сем действии собрались практически все офицеры, пребывающие в Кронштадте, а также сотрудники Адмиралтейства. Официанты были заменены нужными людьми, предоставленными жандармерией. В одном из помещений расположилась команда криминалистов-дактилоскопистов, оказалось, что в жандармском управлении сии новшества уже были введены самым скорейшим образом, и все политические преступники проходили через обязательное фотографирование и снятие отпечатков пальцев. В общем, операция проводилась силами политического сыска или контрразведки. Каким образом удалось «уломать» администрацию Морского собрания и была ли она в курсе происходящего вообще, сказать не берусь. Я наблюдал за тем, как официанты приносили бокалы то с одного стола, то с другого, эксперты снимали с них отпечатки. Шел уже второй час работы, когда один из них сказал волшебное слово «есть»! Это был один из столиков, за которым веселились шестеро офицеров с одного из кораблей Балтийского флота. Но кто конкретно из них нам нужен? Официанты пошли на «второй заход», при этом внимание было уже непосредственно к искомому столику. Новых шесть бокалов... и пусто! Нет совпадения. Проверили. Совпадение было! Неужели агенты что-то напутали? Но тут один из «официантов» вспомнил, что к этому столику подходил кто-то с соседнего, вроде они с одного корабля. Третий заход – уже с прицелом на новый стол, оказался результативным. Это был лейтенант М. с того самого корабля, на офицеров которого мы невольно обратили свое внимание. Тут же был разработан план операции, в результате которого сей офицер был арестован. Его увезли жандармы. А мне пришлось составить докладную записку насчет того, что лейтенант М. подозревается в убийстве госпожи С., совершенном на почве ревности. А еще через две недели я встретился с бывшим ротмистром М. Почему бывшим? Да потому что он был повышен в чине, и мы обмывали и его повышение, и его новое назначение. М. и шепнул мне, что обыск в доме лейтенанта дал весьма интересные результаты. Там были найдены чертежи кораблей, набросок плана новой морской программы и вообще секретные документы, к которым сей лейтенант никакого отношения не имел. А еще жандармы получили «пальчики» почти всех офицеров Балтийского флота. Зачем это им? М. только загадочно пожал плечами. Хотя я могу себе это представить. Не обошли своим вниманием и меня. Государь лично поблагодарил за проявленную инициативу и подарил мне табакерку с драгоценными камнями и благодарственной надписью, которую моя супруга обязалась хранить до конца наших дней.

А 1 ноября сего года я начинаю преподавать в Санкт-Петербургской полицейской академии основы сыского дела. Из-за огромной занятости я начал чувствовать усталость, да и сердечко стало пошаливать. Мелькнула мысль подать в отставку, оставив себе только преподавание, но пока еще не решил. Врачи советуют все-таки временный отдых. Да знаю ведь себя – не тот я человек, чтобы сидеть ровно на одном месте и ничего не делать. А мемуары мне писать рановато. Есть еще неотложные дела!

Глава пятая. О пользе серебра

*Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги.
Ответ маршала Джан-Джакомо Тривульцио (1448–1518) на
вопрос Людовика XII: какие приготовления нужны для завоевания
Миланского герцогства?*

*Где деньги, Зин?
В. Высоцкий*

*Санкт-Петербург. Ново-Михайловский дворец
27 августа 1880 года*

ЕИВ Михаил Николаевич

В последнее время мысли о деньгах, а точнее об их хронической нехватке, не просто не покидали мою голову, а грозили разнести ее на части, взорвавшись подобно перегретому паровому котлу. В ушах постоянно звучали мелодии и слова песен на эту же вечную тему. Причем справа доминировала Лайза Минелли, а слева – шведская четверка «АББА». Черт возьми, до чего же обидно: в казино сотни тысяч не просаживаю, яхты и пудовые брюлики своим любованиям не дарю, по причине отсутствия таковых, все заработанное непосильным трудом несу в дом, в смысле в казну. А финансы продолжают выть свои нескончаемые романсы... Насколько проще было с правителями и сатрапами прошлого, с которыми меня частенько сравнивают в некоторых иностранных газетах и в кулуарных разговорах, ведущихся при плотно закрытых дверях и окнах в домах пока еще недобитой гидры прозападной оппозиции. Мои августейшие коллеги из веков минувших в подобной ситуации действовали по простейшей и отработанной схеме: обвинение в измене государству или религии, в попытке сменить сюзерена, сменив в некотором роде прописку, в наведении порчи на обожаемого народом царя, цезаря, султана, падишаха или эмира. А далее вынесение приговора справедливым судом, в котором монарх выполняет обязанности прокурора, судьи и адвоката по совместительству. Как дань веяниям демократии и плюрализму мнений, возможен широчайший выбор реализации выше озвученного вердикта: от кола, петли или плахи до более утонченных: чашечки кофе с алмазной пылью, шелкового шнурка или добровольного ухода из жизни с помощью пяти выстрелов в спину. Потом имущество в казну, членов семьи врага государства и веры в гарем, монастырь или в папскую капеллу после предварительной хирургической операции. Плебсу – хлеба и зрелищ.

Да, от таких тяжких никак крыша съезжает? Надо остановиться. Еще неделька пребывания в подобном состоянии и придется обращаться к местным светилам психиатрии, а современная мне психиатрия она такая штука, что и до отречения от царства можно докатиться. Тьфу на нее! Дабы успокоиться, приведя при этом мысли в порядок, я занялся делом, которое любил не так давно. В ТОЙ реальности я курил. Не так чтобы активно, но полпачки сигарет в сутки у меня уходило. Сигарета с утренним кофе, сигарета на сон грядущий – это обязательная программа. Когда думал, мог организовать несколько перекуров, во время которых выкуривал две-три сигареты подряд. Алкоголем я не баловался. Коньяк, подобно убиенному Николаю Александровичу, терпеть не мог, даже с лимоном в закуску, иногда мог выпить немного водки – не из ложного патриотизма, а потому как считал сей продукт единственно стоящим. А тут как-то пристрастился к курению трубки. Трубку курил академик, я его не понимал никогда. Но тут такой табак! Вот что значит экология! В общем, далеко не каждый день, но вот в таких сложных случаях... да, беру паузу, набиваю трубочку отличным табаком, вот в чем британцам не откажешь, так в том, что умеют они сделать табак необычайно вкусным и аро-

матным. Послал я не так давно одного человечка. Есть в Боснии одно местечко, там выращивают такой табак... закачаешься! Получил коробку от него на дегустацию. Оно! Крепкий, ароматный, самое то... Очень аккуратная нарезка, из листа удалены все прожилки, такую нарезку называют флор. Что, догадались? Да-да, именно этот табак в моей реальности стали закупать для фабрики «Ява», так и получились знаменитые папиросы «Герцеговина Флор». Вот только мало кто знает, что кроме папирос этот табак выпускался и в коробках, как раз для любителей трубок. Вот и задумал я прикупить там имение, заняться табаководством. А там и у нас надо в южных регионах о табаке серьезно задуматься. Очень серьезно. Табак – это деньги, особенно хороший табак. Нажал кнопку вызова. Витте, увидев, что я набиваю трубку, все сразу понял, через пару минут появился снова – на подносе был небольшой кофейник и несколько квадратиков черного шоколада. Трубка у меня тоже особая – передали из Турции, морская пенка, длинная (турецкая классика) и курится замечательно.

Почти час покоя, за время которого смог перебрать множество вариантов улучшения денежного состояния моего родного государства. За это время и чуток попустило. Затем достал из сейфа тетрадку, в которую мы с Сандро заносили идеи по экспресс-обогащению. Несколько страниц были уже заполнены, отдельные пункты вычеркнуты, как неэффективные или трудноисполнимые. Сейчас же я вспомнил случайно прочитанную главу романа «Императрица», относящегося к жанру альтернативной истории, весьма популярной на многих легальных и пиратских электронных библиотеках. Там попаданка из будущего в тело и сознание моей прабабушки, то бишь императрицы Екатерины II, загрузила своих фрейлин работой по срезанию драгоценных камней, в изобилии покрывавших бесчисленные платья почившей в бозе Елизаветы Петровны. Таким способом главная героиня намеревалась закрыть бреши в финансировании флота и Академии наук. Иронично усмехнулся. На столе у меня лежала записка, в которой значилось, что из платьев покойных государынь драгоценные камни весьма споро перекачывали в распоряжение двора и шли на побрякушки и украшения очередного поколения Романовых. Не надо считать предков дурнее себя! Самым важным и самым сложным был проект передачи всех приисков из концессий и частных рук в руки государства. Слишком много спорных вопросов и слишком сильно взвоят сильные мира сего. А без наведения порядка в золотодобыче так и алмазы Якутии разворуют быстрее, чем мы начнем их добывать. Нет уж, тут нужно создание концерна, в котором будет очень серьезная силовая структура, осуществляющая контроль за добычей столь важных ресурсов. По плану, через пару минут ко мне должен зайти Менделеев и занести черновик сметы, блин, опять проклятые деньги, – по строительству опытового бассейна. А память из будущего уже заботливо подсказывает сумму – миллион рублей, но не ассигнациями, а золотом! Не успел подумать, как в обоих ушах на уровне подсознания загремели куплеты Мефистофеля из оперы «Фауст» в одновременном исполнении еще не родившихся Муслима Магомаева и группы «Агата Кристи». Причем постоянно звучала одна и та же строка: «Люди гибнут за металл!» Желая максимально отложить неприятную тему, я предложил пришедшему Дмитрию Ивановичу почаевничать и немножко перекусить. С наслаждением попивая ароматный и сладкий напиток, в котором великий химик великолепно разбирался и предпочитал только китайские сорта чая, мы отдали должное и бутербродам. Поедая третий или четвертый сэндвич с сыром, я кое-что вспомнил и по-дружески попенял Менделееву, что тот игнорирует нашу договоренность о непременно патентовании всех изобретений, не только сделанных его подчиненными, но и личных достижений. Дмитрий Иванович едва не поперхнулся, и пришлось сперва оказать ему первую помощь путем постукивания кулаком по спине, а потом покаяться в том, что сие обвинение было частично шуткой.

– Видите ли, Дмитрий Иванович, мне тут сорока на хвосте принесла весть о том, что вы помимо неоспоримых заслуг в физике и химии, еще и изобрели рецепт необычайно вкусного сыра. Так могу ли я, как искренний поклонник сего продукта, надеяться, что на моем столе, как и на столах миллионов россиян, появится сыр «по-менделеевски»?

Далее мы оба дружно рассмеялись, а то, что Дмитрий Иванович оценил шутку и не обиделся, было подтверждено торжественным обязательством оформить необходимые документы и надзирать за изготовлением на сыроварнях Верещагина. Главный научный советник и консультант императора всея Руси успел приноровиться к моему стилю работы и перестал удивляться и задавать сам себе риторический вопрос: «Но, черт возьми, как?!» Закончив трапезничать, мы приступили к обсуждению дел технических и финансовых. И начал Менделеев с жалобы на капитана первого ранга В. П. Верховского, назначенного адмиралом Поповым представителем от Адмиралтейства для участия в строительстве опытового бассейна.

– Понимаете, Михаил Николаевич, что сей офицер, обладающий недурственными техническими знаниями, одновременно явно одержим маниакальным синдромом. Во-первых, он уверен, что все вокруг жулики, и требует предусмотреть покупку самых дешевых материалов, а заказ на оборудование и приборы размещать не там, где их лучше делают, но где меньше запрашивают плату. Во-вторых, неукоснительного повторения британского проекта, вплоть до цвета стен, я уже не говорю о конструкции механизмов. В итоге мы рискуем построить заведомо устаревший бассейн, который будет требовать постоянных ремонтов. Я пытаюсь объяснить сему горе-воежке, что скупой платит дважды, так он чуть ли не за кортик хватается. Прошу вас, Михаил Николаевич, избавьте нас от такого куратора проекта. Жалко, что Степан Осипович убывает по служебной надобности, с ним-то мы уже общий язык нашли.

«Так-с, понятно, – подумал я. – Похоже, вырисовывается конфликт типа „генерал Лесли Гровс и Роберт Оппенгеймер“ образца 1880 года. Придется разруливать, ибо иначе получится то, что было в реальной истории с бассейном: мы его слепили из того, что было».

– Хорошо, Дмитрий Иванович, ваше замечание принимается, и если мне не удастся убедить Владимира Павловича изменить отношение к сему проекту, то придется его заменить. Но пока давайте рассмотрим остальные вопросы...

Разговор продолжился еще почти час, и когда он уже подходил к концу, в мой кабинет не вошел, а влетел растрепанный и разгоряченный Сандро, отмахиваясь от дежурного адъютанта и секретаря толстым книжным томом, на коричневом корешке коего можно было прочесть: граф Л. Н. Толстой «Война и мир».

– Папа, мне нужно срочно сообщить тебе важную вещь, – начал он с порога, но, заметив Менделеева, чуток смутился и извинился: – Простите, Дмитрий Иванович, но я не знал, что отец не один.

А вот такое поведение недопустимо. И сейчас следовало публично, но очень тонко отчитать своего сыночка. Кстати, давно мечтал это сделать, ибо мой дражайший учитель, разместившийся с максимальным удобством в теле и сознании Сандро, иногда позволял себе лишнее в разговорах и действиях. Но хвала небесам, сие происходило обычно без свидетелей. Ну что же, приступим к экзекуции.

– Присаживайся, сынок, – с обманчиво теплой улыбкой начал я отеческим тоном. – Позволь на секунду взглянуть на книгу. Что тут у нас? «Война и мир», роман, том четвертый. Взгляните, Дмитрий Иванович, как бежит время. Мой Сандро уже читает романы, тем паче самого графа Толстого. Похвально, весьма похвально.

Менделеев, который отлично понял мою игру, охотно меня поддержал:

– Да, Лев Николаевич великий писатель, кудесник слова. Но позвольте полюбопытствовать, что же вас так встревожило и поразило, юноша? Поле битвы Аустерлица или описание первого бала Наташи Ростовской? Признаться, когда моя супруга перечитывала сцену смерти князя Болконского, то просто расплакалась. Да и я, чего греха таить, немного прослезился.

Сандро покраснел, ибо давненько академик Коняев, а точнее его память и душа не подвергались подобной экзекуции. А тем временем воспитательная работа продолжалась.

– Сандро, как человек военный и к тому же артиллерист, я бы не советовал тебе полностью доверять тому, что пишет граф Толстой, ибо порой его гениальное перо делает непрости-

тельные ошибки. Во всяком случае, упаси тебя бог изучать историю России и Отечественной войны по сему роману. Для начала постарайся прочитать трактат Авраама Сергеевича Норова «Война и мир 1805–1812 с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника». Это написал человек, который лично бился на Бородино и потерял там ногу.

Сандро попеременно то краснел, то бледнел, но молчал и явно не собирался покидать мой кабинет. Тем временем Дмитрий Иванович, который сам имел сына, вежливо решил откланяться и оставить нас наедине. Едва он покинул кабинет, мой отпрыск метнулся к двери, убедился, что она надежно закрыта, и перешел в контратаку:

– Ну что, ученичок, покуражился? Отвел душу? – яростно, но не громко прошипел он. – Хотя... – он на мгновение замолк, явно прислушиваясь к своим мыслям и ощущениям, – каюсь, и я был неправ. А теперь, как говорил Фемистокл: «Бей, но выслушай!» Мы попали в прошлое не нашей ветви истории, сам это знаешь, отличий есть достаточно. А вот что я сумел обнаружить, читая Толстого. Смотри сам, здесь в томе четвертом написано, что губернатор Москвы граф Ростопчин погиб, когда поджигал свой дворец в поместье Вороново. Я позволил себе некую вольность и обратился к твоему секретарю Витте с просьбой перепроверить эти сведения, ссылаясь на твое задание по написанию доклада о войне двенадцатого года. Кстати, он полностью поддерживает твою оценку о той вольности, с которой Толстой относится к отдельным историческим фактам. Но в данном случае граф не соврал. И более того, при пожаре и взрыве дворца погибла и жена Ростопчина, и почти все дети, а в нашей реальности она дотянула до 1859 года. Единственным наследником сего имения остался его сын Андрей Федорович Ростопчин, родившийся за год до вторжения Наполеона. Его загодя отправили с кормилицей, воспитательницами и прочей свитой в Калугу, где проживала Александра Ивановна Протасова, вдова сенатора Протасова, отца его матери. То бишь к тетушке. Когда он вырос и вступил в права наследования, то не пожелал восстанавливать сгоревший дворец, от которого остался лишь фундамент.

– Ну и какой наш интерес в этом деле? – осведомился я, ибо уже изрядно устал и мечтал лишь об одном: принять ванну и проспать хотя бы часов шесть.

– А в том, мой любимый, но порою бестолковый ученик, – немедленно отпарировал академик, – что есть весьма большие шансы на то, что громадные запасы серебра, да и золотишко, которое губернатор Ростопчин по некоторым данным вывез с Московского монетного двора, лежат теперь в громадных подвалах и ждут тех, кто их разыщет. В нашей прошлой жизни мне пришлось пересекаться с серьезными историками, которые были уверены в этой версии. Да и в воспоминаниях Шарля Бенара, сержанта 4-го линейного полка, который вместе с иными вояками Бонапарта изрядно ограбил Москву, черным по белому написано, что, попав одним из первых на Монетный двор, они нашли там лишь жалкие крохи серебра и немного слитков его сплавов для покрытия куполов церквей.

– А знаешь, «сыннок», кое-что я припоминаю. Если не ошибаюсь, то при раскопках в бывшем поместье Ростопчина была обнаружена большая тайная галерея, через которую можно было не то чтобы пройти, а протащить телеги с грузом. И была версия, что ценности были вывезены после войны при помощи британского посольства. И за границей Отчизны Ростопчин вел весьма роскошный образ жизни, ни в чем себе и своим родным не отказывая. Интересно. Кстати, Александр Павлович его в чем-то таком подозревал, ибо ничем не наградил после победы над Наполеоном.

– Тут еще один интересный фактик в твою копилку из нашей реальности: Ростопчин утверждал, что оставил все свое состояние в московском доме, дабы у обывателя не сложилось впечатление, что он спасает свое личное имущество. В то же время известно, что кавалеристы Мюрата, ворвавшиеся в его особняк, никаких особых ценностей там не нашли: немного картин и мебель, немного бумажных ассигнаций в сейфе и никакого золота или серебра.

– Да, «сыннок», опять меня уел.

Такого туше я от него не ожидал. Попадание старого сознания в молодое тело образовало настолько взрывоопасную субстанцию, что, как принято хохмить: «Эта штука сильнее, чем панцер Фауст Гёте». Но идея очень заманчивая, а уж перспективы возможной прихватизации очень серьезного капитала, среди которых, вполне вероятно, были сокровища Патриаршей ризницы, незначительную часть которой Ростопчин успел вывезти из столицы, причем не самую ценную, это уже было весьма серьезно.

Кому же это поручить? Тут нужен человек особый, доверенный. Да и привлекать к этому интерес заранее не имеет никакого смысла. Сначала надо проверить два пункта: 1. Есть ли этот подземный тоннель. 2. Есть ли в нем хоть что-нибудь. Витте? Сергей Юльевич человек, безусловно, талантливый и со своей работой справляется отменно. Тем паче что служебное рвение изрядно усилилось после втыка, полученного лично от меня за задержку доклада обо всех личностях, кои пророчествуют о делах будущего, особенно с техническими подробностями. К сожалению, реалии века девятнадцатого не позволяют в полном объеме реализовать инновационные методы, принятые в одном из наркоматов СССР лет этак через шестьдесят. Что ни говори, а прогрессивный и демократический подход к исполнителю, который предполагает следующую шкалу санкций за проколы в работе: предупреждение, замечание, расстрел, эффективно позволяет повесить трудовую дисциплину на производстве. Как говорил Лаврентий Павлович, «шютка, но со смыслом!». Нет, Витте мы привлекать не будем. И никого из секретариата в том числе. А вот полковнику Мезенцову предстоит заняться работой в поле. Пусть возьмет с собой двух самых доверенных сотрудников – и в поиск. А еще двух толковых ребят отправить перелопатить все архивные документы. И со свидетелями поработать. Помнится, в прошлой жизни смотрел я кадры кинохроники, как императору Николаю II представили живых свидетелей и участников Бородинского сражения. И было сие событие в 1912 году от Рождества Христова. То бишь с учетом форы в тридцать лет шансы найти почтенного старца или старушку, не успевших впасть в маразм, вполне реальны. Что там у нас на сегодня? Нажимаю на кнопку звонка и практически мгновенно на пороге кабинета возникает фигура Витте. На обычно невозмутимом лице Сергея Юльевича можно заметить след обеспокоенности, вызванной тем, что не была пресечена попытка Сандро попасть ко мне «без доклада». И то, что причиной сей конфузии был великий князь, не снижает, а лишь повышает вероятность назначения виноватым стрелочника, пардон – секретаря. Ладно, поспешим успокоить нашего почтенного референта.

– Сергей Юльевич, проходите и присаживайтесь. Если я не ошибаюсь, на сегодня посетителей больше нет? Отлично. Тогда я прошу вас принять участие в небольшом военном совете, но сперва примите мою благодарность за ту помощь, кою вы оказали моему сыну.

Академик сразу понял посыл и, вскочив, присоединился к потоку комплиментов.

– Ну а теперь перейдем к делу. Сандро, дорогой, я тебя более не задерживаю.

К своей чести, академик сыграл на уровне – вежливо поклонился, поблагодарил Сергея Юльевича за помощь, извинился за вторжение, после чего быстро покинул кабинет. На несколько секунд установилась тишина.

– Вот, извините, Сергей Юльевич, дети – это маленькие ураганы, слишком много энергии, которая расходуется на непонятно что. Надеюсь, Морской корпус приучит Сандро к дисциплине. А у меня к вам личная просьба. Мог бы обратиться к министерству двора, но они слишком уж неповоротливы. Хочу для старшего сына, Николая, выстроить дворец в Подмосковье. Думаю, для обучения его управлению государством должность генерала-губернатора Москвы будет более чем к месту. Не сейчас конечно же. Но вот построить ему достойное поместье хочу. Оно должно быть современным, со всеми удобствами. Подыщите мне несколько вариантов. Не очень хочется, чтобы это был дом, который надо было бы сносить, меньше мороки и расходов. Может быть, какое-то заброшенное поместье со сгоревшим или разрушенным временем домом.

– Сделаю, государь.

И этот да, этот сделает. Думаю, нужное мне имение будет в его списке.

Глава шестая. Работа в поле

Спору нет, если ищешь, то всегда что-нибудь найдешь, но совсем не обязательно то, что искал.
Джон Рональд Руэл Толкин

Вороново

11 сентября 1880 года

Полковник Мезенцов

Погода под Москвою куда как помягче столичной будет. Хотя уж осень в права свои вступила, но дождей, после которых дороги превращаются в грязевую топь, еще не было. Я и два моих сотрудника, молодые перспективные офицеры, набранные из заштатных провинциальных полков, оба сорвиголовы, с которыми у начальства были проблемы, изображаем заблудившихся охотников. Михаил Забродский из Полесья, православный шляхтич, чьи предки поучаствовали в войнах Хмельницкого и выслужились до старшинства, когда Белая Русь ушла под руку Российской империи, все его предки служили в русской армии. По стопам предков пошел и Михаил. Дослужился до поручика, был любим подчиненными и нелюбим начальством. Невысокий крепыш с копной кучерявых жестких волос, носом картошкой и роскошными усами, он бы так и дослужился до пенсиону в поручиках. Максимум при выходе в отставку накинули бы ему какой чин. Его полк в турецкую не воевал, охраняя спокойствие рубежей, а вот Миша – типичный офицер военного времени. Нельзя таких гноить в тылу – они там чахнут от безделья. Второй – Алексей Берг. Довольно распространенная фамилия. Остзейский немец. Отличный стрелок и дуэлянт. Три дуэли, ссылка на Кавказ. Там он от души повоевал с турками. А как только закончилась война – четвертая дуэль. Терпеть не может хамства и болезненно реагирует на малейшее оскорбление своего дворянского достоинства. Увы, беден, как церковная крыса. Посему и дрался со всякими высокомерными мерзавцами, коих в армии навалом. Если Михаила нашел я, то о Берге вспомнил государь. Так он оказался в моей команде. Как ни странно, оба восприняли напутствие Михаила Николаевича о том, что они будут вести тайную войну против бесчестного противника, к которому законы честной войны неприменимы, на удивление спокойно, а-ля-гер ком а-ля-гер, как говорят французы. У нас в руках охотничьи штуцера, а вот котомки наполнены таким имуществом, которое охотники обычно с собою не будут брать ни за какие коврижки: мотки веревки, фонари, альпенштоки, малые саперные лопатки, рукавицы, брезент. Маршрут мы проложили так, чтобы выйти к назначенному месту лесами, да еще и в темное время суток. Планировали заночевать либо в развалинах, либо где еще в укромном месте, а на дело идти с самого рассвета, чтобы огнями не привлекать внимание местных селян. У меня была подробная карта местности, составленная военными картографами, так что заблудиться мы не должны были... Но... заблудились. К вечеру вышли на место, где смогли сориентироваться, но заночевать решили в лесу. Надо было обойти деревеньку, чтобы выйти на нужное нам место, а быть обнаруженным заранее не хотелось. Так что развели неприметный костерок, вырыв для него ямку, согрели на нем чай, поели, чем бог послал, разделили дежурства, а то кто знает, лихие людишки тут по окрестностям еще водятся. Не так много их, но все-таки стеречься надо. А три штуцера да три револьвера – этого, думаю, будет достаточно, чтобы от небольшой банды отбиться. А больших тут давно уже нет – повывели.

Я себе взял самое собачье время – перед рассветом. Михаил разбудил меня. Проверил револьвер, занял пост, а Михаил завалился на лежанку из нарубленных веток, укрытых брезен-

том, пододвинул под голову вещевой мешок и быстро заснул. Это все верно – когда есть возможность, солдат должен высыпаться. Под утро было довольно-таки зябко, поеживаясь, огня не разжигал – мне бдиль надо. Пока бдиль, задумался, был такой грех.

Я вообще-то не ожидал, что Михаил Николаевич так быстро приблизит меня и поручит важное дело. Была такая мысль – поблагодарит, отдарится новым чином да отправит куда-то в Саратов руководить жандармами али на полк поставит, тут уже как ему приспичит. Ан нет, оценил... Причем весьма серьезно оценил. Внимательно прочитал мой отчет и по поездке в Швейцарию, и в Германию, особенно в Лондон и Шотландию. Все его интересовало, насколько в гордых скотах угадала жажда свободы. Я утверждал, что абсолютно, особенно среди аристократии, которая почти вся слишком тепло и хорошо чувствует себя среди английской, чуть пониже дым, чуть поменьше апломб, но в принципе, надеяться на сепаратизм в Шотландии мало толку. Вот в Ирландии – совсем другое дело. Там можно найти уязвимые точки и есть с кем столкнуться. Что меня удивило, так это подход государя к любому вопросу. Он никогда не рассматривал проблему изолированно, как какое-то явление, а старался разглядеть связи того или иного события с другими событиями, искать причины и возможные взаимосвязи. При этом не раз и не два говорил мне, что у всех войн, конфликтов и заговоров есть имя, фамилия и отчество. Интересы различных кланов, групп, классов – все это надо уметь просчитывать и учитывать. Ибо можно начинать войну, чтобы, угробив тысячи людей, получить жалкий клочок никому не нужной земли, а можно предотвратить войну ударом кинжала или метким выстрелом. И это будет благом для государства. В целом, трезво оценивая успехи нашей разведки, Михаил Николаевич критиковал ее за весьма низкую эффективность, если оценивать общий результат. «Мы в подметки не годимся ни разведке Ватикана, ни нашим заклятым врагам – британцам. В этом деле нам расти до них и расти», – не раз говаривал мне император, напоминая, что использовать чужой опыт необходимо, но нам обязательно надо придумывать свои собственные приемы и методы. «Удивил, следовательно, победил», – напоминал он фразу гениального Суворова.

Если внешняя разведка велась через военных атташе и некоторых энтузиастов, подчиняясь министерству иностранных дел, то теперь она была подчинена министерству Милюкова, при этом имела четкое разделение на легальную (те же военные атташе и наблюдатели) и нелегальную, к которой начали целенаправленно готовить отобранный контингент. Ну и мои ребята, которые подчинялись только мне и государю – это группа силовых операций. И их я готовил по специальной программе, которую мне тоже предложил лично Михаил Николаевич. Моим наибольшим успехом была операция в Лондоне, которую провел Паоло Рикардо – гражданин Швейцарии, завербованный мною семь лет назад. Этот мелкий полицейский чиновник, вышедший в отставку после того, как перешел дорогу весьма серьезному человеку, испытал на себе все прелести местной «демократии», в которой прав тот, у кого больше прав, в смысле денег. Сфабрикованность обвинений против него была очевидна, но... полицейское начальство решило сие дело замять, Паоло ушел в отставку, оказавшись без средств к существованию, ибо пенсии ему не назначили. Он еще пытался чего-то там добиться, но тут я его нашел и попросил помочь проследить за некоторыми неблагонадежными элементами.

Паоло имел своих осведомителей, которых никому не передал, а потому его помощь оказалась неоценимой. И оплачена была достаточно щедро. Будучи человеком опытным, он вовремя почувствовал нездоровый интерес к себе со стороны бывших коллег, по-видимому, протестимированный его недоброжелателем. А тут еще выплыла связь этого господина с семьей британских Ротшильдов. Когда Паоло перебрался в Германию, сменив имя и фамилию, я снова связался с ним и встретился в Потсдаме, где он проживал под личиной отставного военного-инвалида. Узнав, что мне надо, каково будет финансирование и поддержка этого проекта, Паоло долго не раздумывал, а сразу же согласился. Прибыв в Лондон, он через какое-то время вышел на банду Мэрилебон, орудовавшую в Лиссон Гроув. Как ему это удалось? Удалось и

все тут. В отчете, что лежит в сейфе государя, можете прочитать подробности. Не сразу банда согласилась на это дело – слишком серьезное и масштабное оно было. Для того, чтобы повернуть еще и ограбление банка, привлекли и банду негодяев. И если с налетом на клуб справились сами мэрилебоновцы, то основная тяжесть работы по банку Ротшильдов легла на негодяев, к которым примкнуло еще несколько наемников вместе с самим Паоло.

Налет на банк Ротшильдов, в котором проходило совещание британской ветви этого весьма влиятельного семейства, оказался более чем результативным. В ходе ограбления были не просто вывезены сокровища через заранее подготовленный подземный ход, ведущий в коллектор и Темзу, но и устранены Альфред де Ротшильд, Фердинанд Джеймс фон Ротшильд, Леопольд де Ротшильд и Натан Майер Ротшильд, кроме этого, погиб и старый недруг Паоло, швейцарский финансист и банкир Натаниэль Ласси, сотрудничавший с Эдмондом Ротшильдом и приехавший в Лондон по весьма срочному делу. Из-за него и налет на банк Ротшильдов был перенесен на два дня, хотя планировалось все с делать в один день, чем дезориентировать лондонскую полицию. Но и так хорошо получилось. А бандиты? Получили свою честно заработанную долю, загрузились в подготовленную для бегства шхуну, которая потом пропала на просторах Атлантического океана. Жалко было денег, которые затонули вместе с бандитами, но убрать следы этого громкого дела было куда как важнее!

Наступило раннее осеннее утро. Птицы подняли громкий щебет, листья, еще зеленые в основной своей массе, уже потеряли тот сочный оттенок, что характерен для них летом, кое-где виднелись прожилки желтого, а один из кустов самым первым оделся несмелым багрянцем. Уже можно было разжечь огонь и приготовить кофей. Присмотревшись, я заметил неприметную тропинку, которая вилась по лесу, буквально в двух десятков шагов от нашего бивуака. И там шла девица лет тринадцати, босоногая, в ярком красном платке и простой крестьянской одежде. Благодаря платку я ее издала и заприметил. Надо сказать, что меня девица-красавица не испугалась, оказалось, что мы вышли к деревне Косовка, до Воронова отсюда рукой подать, вот только идти вдоль речки Вороновка да Мочу не переходить. Ну, тут такие ориентиры, что не запутать. А в Воронове сейчас только десяток дворов да с полсотни крестьян, так после пожара да войны двенадцатого года запустело там все, барин имение не жалует. Я вспомнил, что перед пожаром Ростопчин вывез из этого села тысячу семьсот крепостных, так что поместье было большим. Мы решили зайти в Косовку, тем более что там жил Силантий Вередун, мужик, который еще помнил войну двенадцатого года, был тогда подростком. От Силантия удалось узнать, что поместье поджигал лично граф Федор Ростопчин, с ним были два англичанина, да еще десятка два мужиков с оружием. Но вот когда имение пылало, появился конный отряд французов, завязалась перестрелка, на помощь графу пришел партизанский отряд Фигнера, французов выбили из Воронова, которое к тому времени и сгорело совсем. А вот граф и оба англичанина оказались убитыми.

Мы переночевали в селе, а рано поутру вышли в Вороново, стараясь держаться ориентиров и не блукать более. Удалось найти и остатки довоенного поселения, которое тоже горело, видно, господам интервентам не понравилось, что такое большое село не оказало им достойного гостеприимства. Вскоре мы вышли к останкам сгоревшей усадьбы. Поваленные колонны, потрескавшиеся и поврежденные статуи, пепелище на месте дома, который называли подмосковным Версалем. Все это несло на себе следы убогости и запустения. Следов человека тут практически не было. Местные говорили, что пепелище пользуется дурной славой и никто сюда по своей воле не ходит, а дух убиенного графа бродит тут иногда с факелом и пугает православных заунывным пением.

Огромная конюшня, на которой разводили англо-арабских скакунов для верховой езды, оказалась более уцелевшей, нежели остальные здания, в том числе большой двухэтажный дворец. Тут мы нашли вход в подземелья, как и предполагал Михаил Николаевич. Мы искали места, где кладка имеет особенности, например, пересекается с кирпичной, более новой, ибо

тут стены были выложены белым известняком. На второй день мы нашли тоннель, в котором обнаружили и эту закладку красного кирпича. Очень аккуратно Михаил пролез в проделанное отверстие. Мы передали ему фонарь. Через некоторое время он вылез, весьма довольный, сообщив, что нашел сундуки и целый зал с различными произведениями искусства и замечательной коллекцией оружия, которая выпала из двух баулов, потрепанных временем. Аккуратно заложили пролом, сделали пометки на карте, после чего отправились восвояси. Назад добирались через Семенково, дав из Москвы телеграмму с условленной фразой о великолепной охоте под Москвою на имя адъютанта государя, Толстого.

Через три дня в Вороново объявился отшельник, святой человек, который поселился на развалинах, отмаливая совершившееся тут кровопролитие. Местные крестьяне приносили убогому еды, а он не отказывался, молился за всех, забравшись на столп, вырубленный из засохшего дерева. А то, что Иоанн Столпник приглядывал еще и за подземельем, ну так это дело такое... Как только имение было оформлено на государя, старец куда-то исчез. Где-то в другом месте столп нашел, наверное...

*Санкт-Петербург, Маринский дворец
13 сентября 1880 года*

ЕИВ Михаил Николаевич

Я как раз просматривал список имений, которые можно было прикупить для постройки дворца для цесаревича Николая, не ошибся я в Витте, Вороново было в том числе, при этом было указание, что владельцы аккуратно ищут на него покупателя. Младший сын графа Ростопчина к сему времени преставился, а его дочка, не отличавшаяся крепким здоровьем и не слишком удачно вышедшая замуж, готова была от сего имения избавиться. Я передал поручение министру двора заняться этим делом, уверен, что сия покупка обойдется мне не столь дорого. А сам поехал решать вторую часть задачи: кто и как будет вытаскивать сокровища из имения, когда оно будет оформлено на мое имя и передано в имущество двора. Хочу сказать, что оценка пропавших из Москвы сокровищ просто не давала мне покоя. Деньги – это кровь экономики, а сейчас надо было вкладываться в «долгоиграющие» проекты, прибыль от которых будет не быстро. В первую очередь сеть железных дорог, кораблестроительных и судоремонтных верфей и заводов, развитие металлургии, основание научных и исследовательских учреждений. И это при нарастании сопротивления со стороны консервативно настроенной части общества, но тут что поделаться, я уже знал, что ни на консерваторов, ни на либералов опираться не смогу, иначе доведу государство до беды, а себя даже не до цугундера, а до расстрельной ямы. Вот и пригласил к себе графа Воронцова-Дашкова.

Илларион Иванович Воронцов-Дашков

16 мая 1880 года я был назначен министром двора и уделов, фактически отвечая за огромные богатства семьи Романовых. При этом я продолжал заниматься и другими поручениями государя, в том числе отвечать за организацию охраны первых лиц государства, к коим теперь относился и я сам. Работы было невпроворот, но пока я мог позволить себе такой объем работы – подобрал хороших помощников, взяв на себя контроль за самыми сложными моментами. А тут вызов к государю, причем весьма срочный. Император принял меня весьма приветливо, напоил чаем с прекрасным печеньем, после чего вытащил из сейфа небольшую папочку с бумагами.

– Хочу посоветоваться с вами, Илларион Иванович.

Мне было интересно, что еще государь хочет взвалить на мою голову. Впрочем, в его умении придумывать и предлагать интересные решения я не сомневался. В принципе, за это время Михаил Николаевич взвалил на меня три важных дела, кроме всех прочих обязанностей. Первое – это коневодство. Я давно занимался разведением породистых лошадей, но вот так на вопрос коневодства не смотрел. Государь сказал мне, что нужно очень большое количество лошадей для нашего крестьянства. Анализ показал, что крестьянские лошадки весьма слабые, да и не нужны крестьянам тяжеловозы – корму жрут немерено, а плуг таскать, в общем, крестьянская лошадка имеет два плюса – неприхотлива и не жрет слишком много, запасы ей надо делать не такие уж и большие. А в случае войны мы вынуждены будем мобилизовать и крестьянских лошадей. И что тогда? Что они смогут подвозить к фронту? Европейские же лошади покрепче будут и груз доставят вдвое больший за одну ходку. А переселенческая программа? Поднимать целину? Тут нужна лошадка покрепче! И много таких голов надо иметь! Крепкая, неприхотливая, но сильная лошадка. При этом иметь возможность ее быстро и массово размножать. И деньги под это государь обещал выложить в достаточном количестве. Сомнения меня душили, ведь будет ли крестьянин такую лошадку покупать или нет – вопрос еще тот, но ежели государь решил рискнуть своими деньгами, то почему бы и не напрячься? Второе – предложил мне государь перестроить мои сельскохозяйственные угодья по последнему слову науки. С высокой специализацией каждой единицы и наемной крестьянской силой. Будущее за крупными агрофирмами, именно они будут давать основную массу товарного зерна и сельскохозяйственной продукции. И на моем имении император решил показать всем, как надо вести дела. И я согласился. Мне даже интересно стало, будут ли мои земли больше приносить доходу или нет. А вот последнее поручение... нет, не озвучу... А что теперь?

– Илларион Иванович! Прошу вас посмотреть эти документы, их тут немного, думаю, за четверть часа вы управитесь. – сказал император, а сам занялся какими-то бумагами, коих на его столе скопилось достаточно много.

Я же углубился в весьма увлекательное чтение. Когда я закончил, Михаил Николаевич оторвался от бумаг и произнес:

– Как вы понимаете, по архивным документам, есть некая вероятность того, что пожар Москвы оказался хорошим прикрытием для банального грабежа государственной казны, осуществленного весьма ловким пройдохой. Так вот, я отправил надежного человека – сокровища там действительно есть. И эти государственные средства не могут быть в частных руках. В то же время наследники графа не причастны к сему прискорбному событию. И чернить их имена не хочу, да и миф о графе-патриоте тоже не следует рушить, не будем ворошить прошлое. Заметили, что доверенные люди Александра Павловича пытались обыскать имение Вороново, но ничего там не нашли. Потому как не знали, где и что искать. Мы знали – и нашли. Я решил выкупить имение у наследников Ростопчина, вы проследите, чтобы сие было произведено максимально быстро. А затем нам надо с вами провести весьма секретную операцию. Как ваша дружина «Евпатий Коловрат» поживает?

Ну вот оно. Чтобы дать нашему делу, под названием «Священная дружина», легальное прикрытия, государь повелел отдельным указом создать частную военную дружину «Коловрат», в память о народном герое. Император прочитал мне лекцию об офицерах военного и мирного времени и предложил наиболее отчаянных храбрецов, коих показала война с турками, как раз в дружину и привлекать. А то, что у нее будет еще одно дно – так то и будет себе спокойно под спудом лежать. До поры до времени.

– Первый набор уже второй месяц подготовки и слаживания прошел. Готовим второй набор, из первого будем отбирать инструкторов.

– Вот и хорошо. Будет для первого набора дело. Смотрите, вот тут сделаем учения саперов плюс ваша дружина себе полевые игры проведет. Сначала прибывает дружина и аккуратно вывозит ценности, потом саперы. Они и натолкнутся на остатки ценного имущества. Какие

остатки? Думаю, что там будут и сокровища из Патриаршей ризницы московского Кремля. Их и надо оставить на месте. Вместе с произведениями искусства и коллекцией оружия, а все серебро и золото Монетного двора, как и иные ценности из благородных металлов, что к ризнице отношения не имеют, передать в казну. Нам золото-серебро весьма необходимо будет. Сами понимаете, говорить о сем не надо и источник богатств указывать тоже не следует. А вот обречение сокровищ церковных надо будет обставить следующим образом...

Глава седьмая. Главное – маневры

Война – фигня, главное – маневры!
Макс Кавалера⁴

Санкт-Петербург. Мариинский дворец
11 октября 1880 года

В некоторых случаях послезнания – незаменимая вещь! Хотя бы потому, что можно серьезным образом сэкономить – время, средства, людские ресурсы. Окончательно факты относительно ростопчинских сокровищ свелись воедино, когда агент Мезенцова сделал опрос крестьян, высланных из Воронова перед приходом Наполеона. Удивительным фактом было то, что среди них не было сорока восьми душ дворовых крестьян, которые последний перед высылкой месяц вообще из имения не выходили. Известно, что их не было и среди той небольшой группы, что охраняли графа в то время, как поджигалась усадьба. Разумно было предположить, что они сделали тайную захоронку и после были убиты, дабы замести следы. О том, что при жизни графа были вырыты две большие просторные подземные галереи и обложены красным кирпичом, мне было хорошо известно. Одна галерея шла к конюшне и оранжерее от дома, была исключительно для хозяйственных нужд, шириною в четыре метра и высотой более чем в два. А вторая была скорее хозяйской прихотью и вела в искусственный грот на берегу пруда. И вход у сих галерей был в одном месте, практически у входа в графский дворец. Кроме того, под имением имелась разветвленная сеть подземных ходов более раннего периода – отсюда брали известняк на строительство, вот и получились вполне естественным образом искусственные пустоты под землей. Было бы вполне разумным предположить, что граф использовал для сокрытия довольно большого и объемного груза одну из естественных пещер, но как сделать так, чтобы туда незаметно завезти сокровища, а потом так же незаметно вывезти? Это можно было сделать только одним образом – если использовать технический тоннель, которым можно провезти подводы с грузом. И тогда помещение должно с этим тоннелем как-то сообщаться. Например, лазом, который можно заложить тем же кирпичом, и никто ничего не отличит – кладка-то молодая еще.

⁴ Вообще-то этот фразеологизм – опошленное выражение А. В. Суворова «тяжело в учении, легко в бою», тем более что учения в те времена это как раз маневры. Ну а один рокер это выражение засунул в песню почти дословно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.